

А. ВАЛЕНТИНОВ

ОКО СИЛЫ

Третья прилогия

Око силы

Андрей Валентинов

Когорта

«Автор»

1997

Валентинов А.

Когорта / А. Валентинов — «Автор», 1997 — (Око силы)

«Река времени» делает неожиданный поворот. Белые генералы и красные комиссары, получившие через межвременные каналы реактивные «МиГи», современные боевые вертолеты и могучие танки, пытаются изменить ход Гражданской войны. Но кому на руку этот поворот? Тем, кто пытается прекратить кровавый Эксперимент над народом огромной страны? Или же тем, кто этот Эксперимент начал? Где найти ответ на этот вопрос? В Харькове двадцатого года? В Москве девяносто второго? В таинственной крымской пещере, охраняемой не людьми? А может, в горах Тибета, где находится «Око Силы» – источник неведомой энергии, влияющей на судьбы народов Земли?

Содержание

Глава 1. Бегство	6
Глава 2. Чабан-Кермен	18
Глава 3. Тени замка	29
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Валентинов

Когорта

Око Силы. Третья трилогия

1991–1992 годы

Книга девятая

Глава 1. Бегство

Лестница подъезда казалась бесконечной – серая, давно не метеная, она тянулась от пролета к пролету долгими рядами ступеней. Огромный дом довоенной постройки знал когда-то лучшие времена, теперь же в этих обветшалых, насквозь пропитанных едкой пылью стенах явственно чувствовался дух разрушения и распада.

Мик одолел первые пролеты легко, почти бегом, но неподвижный сырой воздух подъезда, такой неожиданный после раскаленной августовским солнцем улицы, заставил поневоле замедлить шаг. Плотников пошел не спеша, разглядывая лопнувшую черную кожу квартирных дверей. Многочисленные таблички с указаниями количества звонков безошибочно свидетельствовали, что он оказался в царстве коммуналок. Плотников вздохнул. Подъезд навевал невеселые мысли, да и повод, заставивший его бросить все дела, был не из приятных. Давний друг семьи, бывший доцент университета Ростислав Говоруха позвонил, прося срочно его навестить. В иной раз Плотников, возможно, и отклонил бы просьбу старика, ибо забот у Мика было предостаточно, но пришлось идти – Ростислав Вадимович умирал. Мик знал старого Говоруху с самого детства, и теперь, поднимаясь по пыльной лестнице на седьмой этаж, чувствовал, как у него начинает щемить сердце.

Плотников нашел нужную кнопку и нажал, как и требовала надпись, четыре раза. Дверь открыла пожилая женщина в халате, соседка по коммуналке. Взглянув на гостя без всякой приязни, она первым делом поинтересовалась, не родственник ли он Ростислава Вадимовича, и есть ли у него соответствующий документ. Все стало ясно – вопрос о правах на освобождавшуюся жилплощадь обсуждался в этой квартире, очевидно, уже не первый месяц.

Еще недавно горячий по натуре Мик непременно высказался бы на всю катушку, но события последних месяцев достаточно его изменили. Плотников, не говоря ни слова, взглянул соседке в глаза и не отрывал взгляда до тех пор, пока лицо ее не потеряло всякую живость. Тетка побледнела, что-то несвязно пробормотала и сгинула, совершенно потеряв интерес к гостю. Плотников мельком подумал, что при иных обстоятельствах не преминул бы достать из болтавшейся под мышкой кобуры наган и напрочь выбить у этой «пролетарки» мысли об имуществе умирающего дворянина.

В маленькой комнате Говорухи было неожиданно пусто. Мик, привыкший к виду сотен книг, которыми было заставлено жилище Ростислава Вадимовича, удивленно оглядел голые полки шкафа и пустые углы, когда-то заваленные связками старых журналов и томами энциклопедий.

– Не бойся, Мик, – долетело откуда-то со стороны распахнутого окна. – Меня пока еще не обокрали...

– Здравствуйте, Ростислав Вадимович, – пробормотал Плотников, подходя к старому продавленному дивану, на котором лежал старик. – Как... как вы себя чувствуете?..

– Я? Ты знаешь, мне немного легче. Говорят, это всегда так бывает. Последняя милость.

– Что вы говорите... – неуверенно запротестовал Мик, со страхом глядя на белое, почти неузнаваемое лицо Говорухи. – Если легче, это... это хорошо...

– Конечно, хорошо, – усмехнулся старик и попытался привстать. – Лучше чем доходить при полном кондратии. А книги я в университет отдал, на свою старую кафедру. Разворуют, конечно, но пусть лучше они, чем эти...

И Ростислав Вадимович выразительно кивнул в сторону двери, ведущей в коридор. Мик присел на диван и, стараясь говорить как можно бодрее, начал передавать приветы от родителей, пересказывать запоздалые медицинские советы, вычитанные матушкой Плотникова из

научных журналов, и даже попытался завести беседу о погоде. Говоруха слушал, не перебивая, но взгляд живых серых глаз был столь выразителен, что Мик, не договорив фразы, умолк.

– Михаил, – тихо, еле слышно заговорил Ростислав Вадимович, – не надо! У меня есть все болячки, положенные в мои восемьдесят пять, но разжижением мозгов пока не страдаю. Я позвал тебя не для того, чтобы ты изображал тут Евгения Онегина. Я не твой дядя, и завещать мне нечего. Я уже исповедался и причастился. Я ведь верующий, Мик, и мне не страшно, так что можешь меня не утешать. Но кое-что я не рассказал даже на исповеди...

Старик замолчал, несколько раз глотнул воздух.

– Я мог бы позвать твоего отца. Знаю его много лет, куда больше, чем тебя, шалопаю. Но мне нужен именно ты...

Говоруха на секунду закрыл глаза, затем вновь заговорил, причем голос его неожиданно окреп, даже белое, подернутое легкой желтизной лицо порозовело, будто разговор придал старику новые силы.

– Мик... Ты ведь оттуда, правда? Тебя не было все эти месяцы. Сначала Миша... Михаил Модестович... Потом Тургул и Витя Ухтомский. Я не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, Ростислав Вадимович, – так же тихо ответил Плотников. – Я был там. И скоро вернусь.

– Молодец. Не страшно на войне? Когда – со своими?

– Они не свои! – лицо Мика дернулось. – Рачья и собачья сволочь! Непобедимая и легендарная... Ничего, поглядим!..

– Да... – помолчав, вздохнул Говоруха, – ты стал совсем другим... Это ведь не твоя война, мальчик!

– Моя! – резко ответил Мик, и старик, взглянув ему в глаза, умолк.

Несколько минут стояла тишина. Плотникову стало совестно оттого, что он повысил голос в присутствии больного, и он не знал, о чем вести речь дальше. Впрочем, Ростислав Вадимович заговорил сам.

– Не сердись! Просто я видел за свою жизнь слишком много крови... Впрочем, скоро мне будет уже все равно... Что-то душно...

Плотников оглянулся – окно было открыто настежь, и в комнате стояла приятная прохлада. Старик уловил его взгляд и покачал головой:

– Это все уже не поможет. Слушай, Мик! Мне трудно говорить, но я должен... Ты помнишь рукопись в Ленинке – «Житие Святого Иринея»?

– Помню, – кивнул Плотников, думая, что сознание старого Говорухи уже начинает мутиться. – Ее кажется написал Гийом де Ту. Овернский Клирик...

– Да... Ты и Миша... Михаил Модестович... искали там заклинание, помнишь?

– Помню, не волнуйтесь! Но там ведь не было ничего. Пустой номер!

– Там было заклинание, – Говоруха вновь закрыл глаза. – Оно было написано на полях...

– Как? – поразился Мик, сообразив, что старик не бредит. – Но вы же мне сказали... И дядя Майкл...

– Мы решили ничего не говорить тебе. Это страшное заклинание, Мик! Ты помнишь, для чего оно?

– Кажется помню... – неуверенно согласился Плотников. – Если его прочитать, проклятая душа будет спасена. Обычная мистика!

– Да. Душа ярта... проклятая душа будет спасена. Но тот, кто прочитает заклинание, погибнет сам. Миша велел мне переписать. Наверное, нельзя было этого делать...

– Стойте, стойте! – перебил старика Мик. – Ну, знал дядя Майкл знал это заклинание. Он ведь погиб, он кровью истек!

Плотников не договорил. Перед глазами встало высвеченное лучами фонарей мертвое лицо Корфа – суровое, с глубокими складками у белых, обесцвеченных смертью губ. Барон

сидел, прислонившись к влажной, покрытой мелкими капельками воды стене подземного зала. Рядом лежал наган с опустевшим барабаном, а правее...

– Кора? – понял Мик. – Но ведь... Мы убили Волкова! Неужели дядя Майкл?..

– Не знаю! Ничего не знаю! – с отчаянием в голосе произнес Говоруха. – Может, все это и вправду ерунда, средневековые сказки. А если нет? Если он все-таки прочитал заклинание? Зачем я его послушался!

Плотников задумался.

– Ростислав Вадимович, да что вы волнуетесь? В конце концов, какая-то старая книга... Почему вы думаете, что это заклинание действует? Мало ли всякой ерунды пишут?

– А упыри... ярты? – Говоруха застонал. – Это тоже ерунда?

– Да причем здесь ярты? – удивился Мик. – Это просто название такое дурацкое. На самом деле это не мистика, а, к сожалению, наука. Программа «Зомби», она же «СИБ». Подавление психики и все такое. А дядя Майкл погиб...

– Я рассказал тебе, – еле слышно вздохнул Говоруха. – Ты уже взрослый, Мик. Ты должен знать.

Плотников пожал плечами.

– Считайте, знаю, Ростислав Вадимович. Так где написано заклинание?

– Я не помню страницу, но ты ее легко найдешь. Это единственная запись, сделанная зелеными чернилами. Там другой почерк – очень четкий. Только не вздумай, Бога ради...

Говоруха умолк, беззвучно шевеля бескровными губами. Мик уже подумывал, не вызвать ли «скорую», но старик вновь открыл глаза и попытался улыбнуться.

– Не волнуйся, со мною все порядке. Я рассказал, и мне стало легче. Иди!..

Мик попытался вновь заговорить о погоде, но тут в прихожей прозвенел звонок, и в комнату вошла худая девушка в больших очках с сильной диоптрией – внучата племянница Говорухи. Мик поспешил откланяться.

Очутившись на улице, Плотников перевел дух и поглядел на часы. Об услышанном можно было поразмышлять позже. Мик спешил – в Дворянском Собрании его ждал Ухтомский.

Встретаться в Собрании оказалось удобно: в бывшей бильярдной обычно толпился народ и можно было говорить без помех. Ухтомского в Собрании уже успели запомнить и пропускали без звука. Мик предпочел выправить гостевой билет. Он было заикнулся об анноблировании, но после бурной беседы с отцом решил обойтись без излишних формальностей.

На этот раз в комнатах Собрания было малоллюдно – душный август разогнал «белую кость» по курортам и дачам. Мик сразу же заметил Ухтомского – Виктор сидел у окна, причем не один. Рядом с ним был уже знакомый Мику крепкий бородатый мужчина – Александр Александрович Киселев, а третьим в этой компании оказался странный субъект с брюшком, жидкой бороденкой и пони-тейлом, завязанным голубой ленточкой. Плотников всмотрелся и с удивлением узнал знаменитого певца Звездила. Он хмыкнул и подошел ближе.

– Здравствуйте, господа!

Пухлая ладонь певца оказалась холодной и до противного мокрой. Мик хотел было спросить, что, собственно говоря, случилось, но сдержался. Как он понял, беседа только началась.

– Ну так что, господин Звездили? – поинтересовался Виктор, пожав руку Плотникову. – У вас что, сложности с репертуаром?

– Господин Ухтомский... Господа, – взволнованно заговорил тот, отчего-то оглядываясь по сторонам. – Я попросил Александра Александровича познакомить нас...

– Оч-чень, оч-чень приятно, – хмыкнул Ухтомский. – Давно мечтал познакомиться с графом Звездилиным.

– Но я ведь артист! Считайте это моим псевдонимом... Ну, бога ради...

– Не поминайте! – скривился Виктор. – Ладно, товарищ Звездилин, ближе к делу.

– Я... я был вчера вечером в одной компании, – выпалил певец и вновь испуганно огляделся. – Совершенно случайная компания, господа! В основном, артисты, так сказать богема, но были и какие-то другие...

Очевидно, выражение лица Ухтомского не вселило оптимизм в Звездилина, поскольку он шумно сглотнул и поспешил продолжить:

– Я лишь хочу пояснить... В общем, там была всякая публика, и среди прочих одна певица. Алия – может, знаете?

– Что? – не выдержал Мик. – Алия?

– Мы с ней, в общем, даже не знакомы. Она, признаться, очень странная, с ней всегда такие сомнительные типы... На этот раз она пришла с каким-то казахом или китайцем. Он был – представляете, господа – в милицейской форме!

Ухтомский и Мик переглянулись.

– Какое у него звание? – поинтересовался Плотников. – Капитан?

– Кажется... Да. Капитан. Мне даже назвали фамилию. Цэпков вроде. Странная такая фамилия...

– Цэбэков, – уточнил Мик, хорошо знавший от Келюса, кто таков этот капитан.

– Да-да, Цэбэков... Меня попросили спеть про поручика Ухтомского... Извините, господин Ухтомский...

– Как же! – скривился князь. – Сидя в седле... двадцать четыре варианта, помню!

– Ну простите! – развел руками певец. – Но я действительно написал несколько вариантов и, между прочим, первый стал петь эту песню с эстрады. Еще в годы застоя, у меня были большие неприятности...

– Да ладно уж, – махнул рукой Виктор. – Славик Арцеулов – человек необидчивый. Может, познакомьтесь еще... И что дальше?

– Я спел, потом мы выпили. И тут рядом оказалась Алия. Обворожительная, я вам скажу, женщина, но что-то в ней есть такое... Она спросила, знаю ли я князя Виктора Ухтомского, то есть вас, а потом велела держаться от вас подальше, потому что вами и вашими друзьями скоро займутся. Так и сказала – займутся! Вы представляете, господа?

– Очень мило, – хмыкнул князь. – Чем я прогневил эту мадемуазель?

– Она сказала, что у вас есть очень опасный приятель, у него тоже странная фамилия... французская...

– Келюс, – тихо подсказал Ухтомский, и певец согласно кивнул:

– Да... Алия что-то еще говорила о какой-то крови. Кто-то у кого пил кровь, представляете господа? Ужас!

– А что это Алия с вами разоткровенничалась? – недоверчиво поинтересовался Ухтомский.

– По-моему, она курит какую-то дрянь или даже колется. Вот ее и понесло. А потом к нам подошел этот капитан, отвел Алию в сторону, затем вернулся и велел мне молчать, иначе...

Звездилин умолк, пугливо поглядывая по сторонам.

– Какой-то бред! – нарушил молчание Киселев. – Но, господа, может, все-таки заявить в милицию?

– Не надо! Не надо милиции! – певец побледнел. – Это страшные люди! Если они узнают, что я рассказал вам...

– Успокойтесь, товарищ Звездилин, – веско проговорил Ухтомский, и тот затих. – Мы благодарим вас за ваш, э-э-э, смелый поступок, но держитесь, прошу вас, с большим достоинством!

Получив очередной выговор от беспощадного штабс-капитана, певец окончательно скис.

– Это не бред, Александр Александрович, – продолжал князь, обращаясь к Киселеву. – А если и бред, то лишь отчасти.

– Да, – согласился Мик. – Спасибо за предупреждение, господин Звездин. Александр Александрович, где тут у вас телефон?

– У дежурной. Господин Плотников... Господа! Если это так серьезно, то, может, я могу чем-то помочь?

Плотников лишь пожал плечами и направился к выходу, где на столе дежурной дремал телефонный аппарат. Тем временем Звездин, пробормотав что-то о расстроенных нервах, поспешил откланяться. Через несколько минут Мик вернулся. Ухтомский вопросительно взглянул на него, но тот покачал головой:

– Николая нет дома. Я звонил Лидке, они ушли гулять. Лидка взяла с собой этюдник...

– Вот незадача! – огорчился Виктор. – Это, право, даже не героизм, это называется несколько по-другому. Знать бы, где они!

– Где? – Мик задумался. – Раньше она ходила на этюды в... Сокольники, кажется. Мне Келюс говорил...

– Надо ехать, – решительно заявил Ухтомский, вставая.

– У нас дела, – тихо напомнил Плотников, и штабс-капитан, нерешительно постояв, опустился на место. Мик достал записную книжку, быстро перелистал странички.

– Вот что, Виктор. Поезжайте сами и решайте без меня. Думаю, справитесь. А я возьму такси и смотаюсь в Сокольники. Может, мы паникуем, но после всего, что случилось...

– Господа! – вмешался Киселев, – прошу располагать мною по вашему усмотрению. У меня машина на стоянке. Кроме того, если надо будет кому-нибудь... э-э-э... укрыться, моя фазенда в вашем распоряжении. Это далеко – километров сто отсюда, глушь страшная, никакая собака не найдет.

Мик секунду раздумывал, затем, решившись, кивнул Ухтомскому и вместе с Киселевым направился к выходу. Уже сев в автомобиль Александра Александровича – старый потрепанный «жигуленок» – Плотников вынул из кобуры наган и проверил патроны. Прокрутив пару раз барабан и убедившись, что все в порядке, он не стал прятать оружие, положив его на колени. Киселев лишь покосился на наган, и, не сказав ни слова, повернул ключ зажигания.

Келюс и Лидка действительно были в парке, в котором прошлой осенью девушка встречалась с Фролом. Именно тут, в нескольких метрах от остановки, девушка увидела мчавшуюся прямо на нее черную громаду грузовика, и Николай удивился, отчего она решила приехать именно сюда.

В последнее время Лидка сильно изменилась. Как-то она, словно между прочим, попросила Лунина научить ее пользоваться браунингом. Келюс отделался нравоучительной фразой о вреде шуток с огненным оружием, но понял, что курносая художница не шутит. Сам он с оружием расставался, понимая, что тех, кто убил Фрола, теперь уже ничто не остановит. Последние дни Келюс потратил на перепечатку подробного отчета о всем виденном, куда был добавлен анализ документов из партийного архива и комплект фотокопий. Материалы, собранные в папку, ждали своего часа в ящике стола. Как раз сегодня Николай собирался позвонить по секретному телефону. Выхода не было – ни ему, ни Мику не под силу тягаться с теми, кто методично обкладывал их маленькую когорту.

Августовский день дышал жарой, и Келюс был в одной рубашке. Обычно он, несмотря на лето, носил куртку, чтобы скрыть спрятанный в кобуре под мышкой браунинг, но в этот день жара была какая-то особенная, и Лунин оставил куртку в квартире художницы, положив пистолет в этюдник. Он догадывался, что рисовать девушка не собирается. Действительно, в этот день Лидка даже не притронулась к краскам. Они не спеша прогуливались по пустынным аллеям

в редкой тени молодых невысоких кленов и молчали. Келюс, по давней привычке, думал завязать легкую беседу ни о чем, но сегодня художница была как никогда неразговорчива.

...О Фроле они больше не говорили. Стоило Лунину упомянуть о нем, как Лида мгновенно умолкала.

Они в который уж раз мерили шагами аллею, когда девушка внезапно попросила еще раз описать внешность Сиплого и Китайца. Лунин без всякой охоты начал вспоминать. Китайца он помнил прекрасно, но Сиплый по-прежнему оставался темным силуэтом в пальто и глубоко надвинутой на глаза шляпе. Художница слушала внимательно, чуть закусив губу, а зачем поинтересовалась, где, по мнению Николая, она могла бы встретить кого-либо из этих двоих. Келюс принялся втолковывать Лиде очевидную истину, что в одиночку ей никак не справиться, и эту войну надо вести всем вместе. Девушка ничего не ответила, помолчала, а затем тихо сказала, что Фрол действовал один. Николай хотел вновь возразить, но понял, что Лиду не переубедишь.

Они вышли к самой трассе, чуть правее автобусной остановки. Внезапно Келюс остановился. Что-то словно ударило в грудь, заныла давно зажившая рана возле локтя, невидимая тяжесть легла на затылок. Он на секунду закрыл глаза, пытаясь прийти в себя, но боль не проходила. Лида тоже остановилась, удивленно поглядев на Лунина.

– Сейчас, Лидуня, сейчас, – странное ощущение становилось все сильнее, но Николай уже овладел собой и, открыв глаза, внимательно огляделся по сторонам.

– Что случилось?

– Кажется... кажется, нам надо уходить, – вздохнул Лунин, прикидывая, как быстрее добраться до метро.

– Они... тут? – поняла девушка. – Ты их почувствовал, да?

Николай кивнул и решительно направился прямо к автобусной остановке. Лида последовала за ним, но Келюс внезапно остановился – на противоположной стороне трассы затормозил большой черный «мерседес». По дороге сплошняком шли машины, ничего удивительного в появлении «мерседеса» не было, но Николай вспомнил, что именно на такой машине ездила Алия.

– Тут есть другой выход, – поняла девушка. – Можно пройти через парк...

– Пошли!

Они повернули назад. Из парка было два выхода: широкая аллея, которая вела к троллейбусной остановке, и узкая дорожка, выходившая прямо к станции метро. Не сговариваясь, Келюс и Лида свернули туда. На небольшой аллее было совершенно пусто, но Лунин вновь почувствовал тревогу. Он мысленно обругал себя паникером, взял девушку за руку и ускорил шаг. Мельком подумалось, что Лиде, лишь недавно ставшей на ноги, трудно идти в таком темпе, но художница, словно угадав его мысли, чуть заметно кивнула и даже попыталась улыбнуться.

До метро было уже рукой подать. Келюс собирался перевести дух, как вдруг где-то слева мелькнула черная тень. Прошелестели ветки росшей вдоль дорожки сирени, и в ту же секунду рука Лиды дернулась – прямо перед ними посреди аллеи стоял Китаец. Похоже, ему довелось изрядно пробежаться, и Николай, стараясь не показать испуга, хмыкнул прямо в лицо запыхавшемуся врагу.

– Чего смеешься, Лунин? – скривился Шинджа, быстро поглядев по сторонам.

«А ведь он меня... боится!» – внезапно понял Николай, и его собственный страх исчез. Он лишь пожалел лишь о том, что не успеет достать браунинг, спрятанный в этюднике. Китаец, словно догадавшись, поцокал языком, и в его руке тускло блеснул вороненый ствол, на конце которого торчал набалдашник глушителя.

– Не двигайся, Лунин! Если хочешь пожить еще минуту, стой смирно... Я бы тебя давно пришил – сначала прострелил бы живот, а потом на твоих глазах кончил девку. Я бы убил ее голыми руками. Знаешь, как это делается?

Келюс не отвечал, прикидывая, не стоит ли все же попытаться. Этюдник был совсем рядом, в правой руке Лиды.

– Гордый ты, Лунин! Давно бы прикончил тебя, но мне запрещали. Он... Тот, о ком ты не должен знать, велел тебя не трогать..

«Ты не должен знать...» Николай понял – Шинджа говорил о том, кого его случайный собеседник назвал «товарищем Вечным».

– Но ты сам виноват, – Шинджа не спеша поднял ствол и прицелился. – Твой йети, товарищ Соломатин, был опасным колдуном. Мы убили его, Лунин, и теперь убьем всех вас. И ту девку, что ты спрятал в Крыму, тоже. Кого обмануть думал, Лунин, а? Око Силы видит все! Сейчас ты умрешь, но могу обещать, что твоя девка, та, которую ты отправил в Судак, умрет не так быстро. Нарак-цэмпо разрешил мне позабавиться. Смерть – лучшая забава, Лунин! А тебя велено убрать сразу... Хорошо, что вы вместе пошли, меньше бегать. А то набегался я за твоим Соломатиным...

В ту же секунду что-то сухо треснуло, Шинджа не договорил и выронил пистолет, на лице его появилось выражение крайнего удивления. Все еще не веря, он схватился за живот и начал медленно оседать на землю.

...Лида держала браунинг двумя руками, глаза ее были прищурены, а уголки губ чуть заметно кривились в странной улыбке. Раскрытый этюдник лежал рядом.

– Лида! – ахнул Николай. Девушка вновь выстрелила, Китаец застонал и рухнул навзничь – вторая пуля попала в живот, и Лунин понял, что Лида не спешит прикончить врага. Он протянул руку к пистолету, но художница помотала головой и шагнула ближе к корчившемуся на земле Китайцу. Кровь лила потоком, Шинджа, прижимая руки к животу, даже не стонал, а шипел. Девушка засмеялась и выстрелила вновь. Третья пуля попала прямо в голову, тело бхота, дернувшись несколько раз, затихло. Лида, не торопясь, отдала пистолет Лунину, подняла с земли этюдник и принялась складывать выпавшие тюбики с краской. Затем, так же не спеша, взяла из рук Николая оружие и, спрятав в этюдник, аккуратно закрыла крышку.

– Надо уходить, Лидуня, – тихо произнес Келюс, боясь что у девушки сейчас начнется истерика.

– Да, – все так же спокойно кивнула она. – Мы сейчас уйдем... Этот козел мучился, правда? Сильно мучился? Я специально стреляла в живот...

– Пойдем, – вздохнул Николай, понимая, что разговаривать с девушкой сейчас бесполезно. Он хотел забрать пистолет Шинджи, но затем передумал. Пусть оружие найдут рядом с трупом...

Они обошли неподвижное тело Китайца и, не оглядываясь, направились к выходу. Вскоре аллея кончилась, Келюс и Лида оказались на оживленной улице, заполненной обычной дневной толпой. Лунин осмотрелся, но ничего тревожного не заметил. На выстрелы, приглушенные уличным шумом, никто не обратил внимания. Келюс полез в карман за мелочью, но тут совсем рядом взвизгнули тормоза. Из остановившейся у кромки тротуара легковушки выскочил Мик.

– Николай! Лида! Слава Богу! – воскликнул он, хватая Лунина за локоть. – Скорее в машину, там, на другой стороне, «мерседес» Али!

– Знаю, – согласился Келюс, стараясь держаться как можно естественнее. – Так что случилось?

– Как что? Надо уезжать, Александр Александрович нас подбросит...

Лида и Келюс переглянулись и сели в машину. Мик наскоро познакомил их с Киселевым, и «жигуленок» помчался по направлению к центру. Плотников, волнуясь и глотая слова, пересказал то, что услышал от Звездилина.

– Знаю, – вновь кивнул Лунин. – Мне надо сегодня же лететь в Крым. Эх, черт, лето!.. Где билеты-то взять?

– Я могу помочь, господин Лунин, – отозвался Киселев. – Вам до Симферополя?

– Да, – согласился было Николай, но тут же сообразил, что оружие в самолете провезти сложно. – Нет, поезду поездом, послезавтра утром буду там...

– Вам сколько билетов?

Келюс нерешительно посмотрел на художницу. Та покачала головой.

– Один. Но... Лида, тебе лучше уехать.

– Да, конечно, – поддержал Мик. – Лида, вам лучше действительно где-то переждать недельку-другую. Не обязательно в Крыму.

– Так в чем проблема, господа? – удивился Киселев. – Моя фазенда к вашим услугам. Там тихо, вымирающая деревня, почтальон – и тот бывает раз в неделю...

– А что, – тут же согласился Келюс. – Лидуня, тебе ведь нужен свежий воздух?

Девушка не отвечала. Повернувшись, Николай увидел, что она сидит, бессильно откинувшись на покрытую серым чехлом спинку сиденья, глаза ее закрыты, а по щекам текут слезы.

– В общем, мы это обсудим, – Мик тоже понял, что с девушкой творится неладное. – Спасибо, Александр Александрович!

Лиду высадили у ее дома, Келюс проводил девушку до подъезда, а затем машина вновь тронулась с места, направившись к Дому на Набережной.

– Что-нибудь случилось? – шепнул Мик, пока «жигуленок» продирался сквозь ряды запарудивших улицу автомобилей.

– Да, – дернул губами Лунин. – Потом...

– У меня тоже... – Мик запнулся и махнул рукой. – Ладно, после!..

Поблагодарив Киселева и распрощавшись, они подождали, пока «жигули» скрылись за поворотом, а затем не спеша направился к дому. Плотников, поведав Николаю подробности беседы с бардом, предложил войти во двор первым во избежание засады.

– Поздно, – вздохнул Келюс. – Какая уж тут засада!

– То есть? – не понял Мик. – Так ведь Цэбэков... Китаец который...

– Забудь!

– Вы... его? – понял Плотников. – Когда? Ну, даете, Николай!

– Только что, – Келюс отвернулся. – Как раз перед тем, как ты нас встретил. Только убил его не я.

– Что? Лидка? – ахнул Мик. – О Господи!

– А чего ты удивляешься? Только учти, подполковник, об этом я сказал тебе первому и последнему.

– Могила! – охотно пообещал Мик. – Ну Лидка! Так это ей нужно немедленно мотать!..

– Да. Хотя бы на фазенду господина Киселева. И заняться этим придется тебе, синий гусар. Я уезжаю в Крым, там Ольга, они ее кажется, вычислили...

Оказавшись в квартире, Плотников тут же повис на телефоне, а Келюс по старой привычке отправился на кухню ставить чайник. Уже слышалось уютное шипение закипающей воды, когда в кухне появился оживленный и вполне пришедший в себя Мик.

– Николай, мы достали вам билет на завтра до Симферополя. Лиду берем на себя, отвезем к Киселеву или еще куда-нибудь...

– Кто это «мы»? – поинтересовался Келюс, которому вид суетящегося Плотникова-младшего вернул хорошее настроение.

– Я и Виктор, – Мик заглянул в чайник. – Давайте-ка сообразим кофе, а?.. Так что тут будет все в порядке. И не забудьте взять с собой оружие.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие, – усмехнулся Келюс. – Патроны, бином, тоже брать?

– Благородие, – автоматически поправил Плотников, и Лунин тут же вспомнил Корфа. – Николай, я понимаю, вы по-прежнему считаете меня пацаном. Но, честное слово, там званий не дают. Правда, полком я не командовал, но...

– По хозяйственной части... – подхватил Лунин, заваривая кофе.

– Ага, – ничуть не обиделся Мик. – Мы уже сформировали три танковые бригады. Кстати, в первом бою я был в головной машине... Может, мне все же поехать с вами? Правда, у меня сейчас как раз намечается одно дельце...

– Не надо. С Ольгой я уж сам... Правда, не знаю куда нам потом деваться. Может, в Самару, к Валерию?

– Если что, звоните мне, – предложил Мик, глотая горячий кофе с такой жадностью, что Николай даже испугался за сохранность подполковничьего здоровья. – Я назову вам телефон, только не записывайте...

Лунин невольно усмехнулся – это тоже ему что-то напомнило.

– Звоните вечером, – продолжал Плотников, расправившись с кофе и закуривая «Кэмел». – Впрочем, утром тоже можно звонить, меня не будет, но мне передадут.

Он несколько раз повторил телефонный номер, а Лунин по давней привычке мысленно разделил его на несколько исторических дат. Так запоминалось не в пример легче.

– Ладно, если что, позвоню. Слушай, а Ольгу ты сможешь спрятать? Ну, скажем, если меня прикончат.

– Прекратите! – возмутился Мик. – Что значит прикончат? И думать не хочу!

– Да очень просто прикончат, – пожал плечами Лунин. – Как Михаила Модестовича, как Фроата, как многих других. Так все-таки?..

– Понимаете, Келюс, – Плотников замялся. – Может, отправить ее на дачу к Киселеву?

– Этого мало. Лидка-то их не интересуется. Пока во всяком случае. А вот Ольга... Ты же сам переправлял ее сюда!

– Да, – кивнул Мик. – Причем не особо удачно, на что вы мне сразу и указали. Но взять ее туда я не могу. Ей там нельзя появляться! Она не просто вне закона, понимаете? Она... Ее там уже нет.

– Кажется, понимаю, – Лунин затянулся сигаретой, и никотиновый дым показался в эту секунду особенно горьким. – Понимаю, Мик. Она вне закона... Ее нет всюду – и у вас, и у нас, и в этой, бином, Утопийской Советской Социалистической...

– Где? – удивился Плотников, но Келюс не стал ничего объяснять. Разговор затих, и вскоре Мик попрощался, обещав заехать вечером, после девяти. Лунин еще некоторое время курил, задумчиво поглядывая на зеленые кроны под окном, а потом решительным движением затушил окурочек в пепельнице и направился к телефону.

Номер, который ему было велено набирать только в крайнем случае, долго не отвечал. Николай думал уже положить трубку, как на другом конце провода что-то затрещало, словно там включили глушитель, и он услышал голос Генерала.

– Это Келюс, – начал Николай. – Мне...

– Ты один? – перебил тот. Лунин успел произнести лишь нечто вроде «ага», как голос в трубке вновь прервал его.

– Никуда не выходи, сейчас за тобой подъедут. И никуда больше не звони, ясно?

– Ясно, – вздохнул Келюс, но в трубке уже гудел отбой.

Ждал он недолго. Вскоре в дверь позвонили, и на пороге появился старший лейтенант Алексей, на этот раз в штатском.

– Привет, Николай, – быстро проговорил он. – Собирайся, отец тебя ждет...

Николай молча пожал ему руку, зашел в кабинет, достал из ящика стола заранее приготовленную папку, а затем, проверив, не оставил ли включенным чайник, так же молча кивнул.

Во дворе их ждала машина. Шофера за рулем белой «волги» с правительственными номерами не оказалось, и Алексей сел за руль сам.

– Ну даешь, – хмыкнул он, заводя мотор. – Что ты натворил такого, а? Отец просто вне себя, я его таким давно не видел. Только когда Украина флот потребовала, он так нервничал. Когда ты позвонил, он чуть трубку не разбил, а потом сказал, что отправит тебя лет на десять в лагерь.

– А что? – охотно откликнулся Лунин. – Пожалуй... Лагерь – это еще ничего.

– А Стелла, как услышала, так тут же потребовала, чтобы тебя не трогали. Мол, ты хороший человек, и это сразу видно. Ну, отец и высказался!..

Вначале Келюс не понял, о ком идет речь, но потом вспомнил ушастую девицу, интересовавшуюся его планами на август.

– Так что, считай, большая часть нашей семьи за тебя, – резюмировал Алексей.

– Ага, – без всякого энтузиазма отозвался Келюс.

Машина долго кружила по Столице, в конце концов вырулив на Ленинградский проспект. Алексей то и дело посматривал на часы, приговаривая, что опаздывать нельзя ни в коем случае. Наконец «волга» подъехала к огромному старинному дворцу, где почти два века назад квартировал невысокий человек в серой треуголке. Чуть в глубине, на небольшой площадке, Келюс увидел черный автомобиль с зеркальными стеклами.

– Пошли! – поторопил Алексей. – Мы и так опоздали на две минуты.

По тону, с которым были произнесены эти слова, Николай понял, что Генерал не любит шутить. Он взял документы и вышел из машины. В ту же секунду дверца черного чудища отворилась, и оттуда вышел знакомый уже Луину военный – начальник личной охраны. Его взгляд скользнул по толстой папке, которую Николай держал в руке.

– Не бомба, – понял его Лунин, – там только бумаги. Показать?

Военный секунду раздумывал, затем, не сказав ни слова, кивнул в сторону машины. Николай заглянул в открытую дверцу.

– Садись! – услышал он голос Генерала. – Да быстрее, чего топчешься?

Келюс забрался внутрь, и дверца тут же захлопнулась.

– Я сделал ошибку, Лунин, что решил с тобой поговорить. Тебя надо было просто арестовать, ты же убийца! Убил офицера милиции! По тебе Колыма плачет!

– По мне многие плачут, – не стал спорить Келюс. – А насчет Колымы, так это бином, еще доказать надо!

Послышался странный звук, словно Генерал зарычал.

– Доказать? Так это не ты убил Цэбэкова? Юлишь, значит? Нашкодил, так признайся!

– Признаюсь, – пообещал Келюс. – На суде я расскажу все – и про комнату, которую охранял в августе, и про то, как погиб парень, которого я сменил на карауле, и про Волкова... Закрытый суд вам не устроить, не те времена, значит остается прикончить меня до суда.

– Ну это ты брось! – не особо уверенно возразил Генерал. – Мы этим не занимаемся.

– Да? И это не вы обещали расстрелять всех нас, если я не отдам скантр? Ну и про скантр тоже придется рассказать. И про документы. Видите папку?

– Да ты никак меня шантажируешь? – рык перешел в сдавленный хрип. – Ты... Ты... Мальчишка! Да я тебя прямо здесь пристрелю!

– Давайте! Авось товарищ Вечный вам спасибо скажет.

– Товарищ... Кто? – осекся Генерал.

– Есть такой, – пояснил Николай. – Вы бы у Шинджи... У капитана Цэбэкова поинтересовались. Пока он жив был. Или у Нарак-цэмпо... Помните такого, в черной шапочке?

– Помню, – скривился Генерал. – Я все помню, Лунин! А ты вместо того, чтобы помочь разобраться, занимаешься черт знает чем! В уголовщину вляпался... Между прочим, я приказал, чтобы Цэбэкова уволили из органов, вот он и спешил, гад, с тобой разделаться. Но ты тоже хорош!

– Хорош, – вновь согласился Николай. – Только я не собирался вас шантажировать, папку я для вас, бином, готовил. Почитайте, потом поговорим. Если меня не прикончат, конечно.

– Давай, – Генерал взял у Николая папку, взвесил в руке. – Только не произноси «бином». От этого слова меня воротит.

Келюс не стал спорить. Он давно успел заметить, что это невинное словечко порой вызывает у его собеседников совершенно неадекватную реакцию.

– Кстати, ты нас тут за дураков не держи, – продолжал Генерал. – Цэбэкова вы вдвоем убивали. Думаешь, не знаю, с кем?

– Цэбэкова убил я! – отрезал Келюс.

– Ну, конечно! Рыцарь! Ладно, ее мы трогать не будем, а ты немедленно уезжай, понял? И лучше за границу.

– В Штаты? – наивно поинтересовался Николай. – Подкинули бы долларов в таком случае!

Генерал вновь нахмурился.

– Ты что, дурак? В Штаты виза нужна, а тебе даже паспорт показывать нельзя. Мотай, где потише, хотя бы на Украину, и спрячься. Месяца через полтора позвонишь, ясно?

– Ясно, – кивнул Лунин. – А если меня все-таки укокошат, свяжитесь с Михаилом Плотниковым. Он в курсе.

– С кем? – удивился Генерал. – С Плотниковым? Не верю я ему. Папаша его тот еще жук, да и он сам... Твой Плотников, между прочим, еще на первом курсе на однокурсников стучал. Поймали его на валюте и девочках и прижали...

Келюс промолчал – не хотелось верить.

– Сомневаешься? – понял его Генерал. – Для контроля: тебя вербовали три раза – на первом, третьем курсах и в аспирантуре. Точно? Ну, ты у нас герой, не побоялся проявить антисоветские настроения... Ладно, мотай отсюда побыстрее, а то если тебя прибьют, мне перед дочкой отвечать придется. Деньги хоть есть?

– Есть, – буркнул Келюс, хотя с деньгами было совсем плохо.

– Держи, – Генерал сунул ему две пачки в банковской упаковке. – Не волнуйся, это не из спецфонда для шпионов. Сегодня зарплату получил. Потом отдашь... угольками.

Лунин не стал спорить и они распрощались. Черная машина рванула с места, обдав Николая пылью и парами высокооктанового бензина.

– Ну чего, не убил? – поинтересовался Алексей, державшийся все это время на почтительном удалении. – Поехали, отвезу тебя домой.

На обратном пути старший лейтенант пытался завязать беседу о текущей политике, но Николай отвечал односложно, а потом и вовсе замолчал. Алексей понял и тоже умолк. На прощанье он внезапно предложил пару тысяч взаймы, Николай поблагодарил, но брать лейтенантские отпускные отказался. Во всяком случае, приятно было убедиться, что, по крайней мере, скупостью семья Генерала не отличалась.

Уже дома, закрыв дверь, Николай понял, насколько устал. Перед глазами вновь встало мертвое лицо Китайца, браунинг в руках Лиды, деловой озабоченный Мик, который, оказывается, сломался на первом курсе из-за пригоршни долларов и каких-то Мата Хари местного значения. Впрочем, Келюс понимал, что известная всем контора могла сломать любого. Он и сам недавно без звука отдал гэбэшникам документы. Правда, тогда речь шла о жизни Ольги, но Лунин понимал, что у каждого – своя цена.

Безумно тянуло спать, но Николай заставил себя достать с антресолей рюкзак, и принялся наскоро кидать в него самое необходимое. Браунинг вместе с последней пачкой патронов он замотал в майку и спрятал среди вещей.

Мик появился в начале десятого, вручил Николаю билет на завтрашний дневной поезд до Симферополя и сообщил, что в ближайшее время отвезет Лиду на «фазенду» Киселева. Место, его по словам, было действительно глухое, что гарантировало относительную безопасность. Плотников уже собрался уходить, как вдруг заговорил почему-то о старом Говорухе.

– А что с ним? – поинтересовался Келюс, знавший Ростислава Вадимовича только понаслышке.

– Очень болен, – нерешительно начал Мик. – Не знаю, может, он уже не совсем того... В общем, он мне рассказал...

Лунин вначале слушал невнимательно, но как только Мик упомянул заклинание Святого Ириней, сразу насторожился.

– Сегодня зашел в Ленинку, – закончил Плотников, – рукопись просмотрел. На полях там действительно что-то написано. Не знаю, заклинание ли это...

– Да, конечно, – невпопад заметил Келюс, вспоминая слышанное от Фрола и Варфоломея Кирилловича. – Мик, я не говорил тебе... Когда Михаила Модестовича хоронили, в гробу его не было. Там вообще никого не было...

– Как же это? – растерялся Плотников. – Вот гады! Значит, дядя Майкл стал... Да нет, ерунда все это!.. Но если снова прочитать заклинание...

– Если верить легенде, он будет свободен, но тот, кто прочитает заклинание, погибнет. В этом, наверно, и была ловушка, в которую хотели поймать Ириней – цепь зла, которую невозможно остановить...

– Выдумают же! – пробормотал Мик. – А по этой... легенде... Неужели ничего нельзя сделать?

– Не знаю, – вздохнул Лунин, – не знаю...

...Он едва не опоздал на поезд, успев вскочить в вагон на ходу. За окном замелькали столичные пригороды, сменившиеся вскоре полями и редкими перелесками. Келюс, забившись в угол купе, закрыл глаза и, заставив себя забыть все случившееся, начал думать о том, что ждет впереди. Ольга была в опасности, и он должен успеть, успеть, успеть...

Глава 2. Чабан-Кермен

Келюсу не везло. Поезд опоздал почти на час, и автобус на Судак уже успел уйти, следующий же ожидался только часа через четыре. Николай, бросив беглый взгляд на оживленную толпу перед симферопольским вокзалом, устроился на разбитой скамейке в сквере недалеко от автостоянки. Времени было предостаточно, и он имел возможность еще раз продумать план действий.

Бородатый доцент из Самары в свое время подробно объяснил, как добираться до Чабан-Кермена, где у подножья горы, увенчанной руинами генуэзского замка, располагалась археологическая экспедиция. Но Келюс не был уверен, что застанет Валерия именно там. Бородач обещал устроить на Чабан-Кермене Ольгу, сам же собирался поработать в Судак, где находилась база Южно-Крымской экспедиции. Поэтому он советовал Николаю завернуть вначале в Судак, а затем уж вместе ехать к генуэзской крепости, тем более оттуда добираться было сравнительно просто – по трассе, вдоль морского берега. Лунин решил так и поступить. А вот что делать дальше, он представлял себе достаточно смутно. Найти Валерия, забрать Ольгу и тут же уехать? Но в Столицу возвращаться было опасно, поэтому он очень рассчитывал на помощь своего самарского знакомого.

Наконец наступило время идти на автостоянку. Перед посадкой Келюс обменял свои рубли на разноцветные бумажки с изящным рисунком – новые украинские карбованцы, проверил еще раз нехитрый багаж, уместившийся в небольшом рюкзаке, и, обреченно вздохнув, доверил свою судьбу старому, дребезжащему автобусу.

В Судак Келюс никогда не был. Маленький белый городишко не произвел на него особого впечатления. Передохнув немного на автостанции, Николай, порядком измотанный долгой поездкой по бесконечным крымским серпантинам, побрел к центру, в поисках базы Южно-Крымской экспедиции. Городок был полон пляжниками, знать не знавшими ни о каких археологах, но Николай вовремя вспомнил о верной примете, о которой как-то упомянул Валерий – полуразрушенной старинной башне, возле которой и располагалась база. Башню, заметную прямо с набережной, Лунин нашел быстро. Пройдя по узкой улочке, он добрался до небольшого двора, где стояли несколько невзрачных сараев, водопроводная колонка и длинный пустой стол со скамейками. Прямо посреди заросшего вишневыми деревьями двора валялась большая куча битой керамики, несколько поломанных кирок и тачка без колеса. Сомневаться не приходилось – база экспедиции была именно тут. Впрочем, об археологии тут больше ничего не напоминало. На скамейке стоял огромный таз, наполненный черно-красными спелыми вишнями, а рядом пристроились несколько банок – обитатели базы явно собирались заняться консервированием. На деревянном крыльце небольшого домика стояла кастрюля с чем-то белым, напоминавшим манную кашу, а двор крест-накрест пересекали веревки, на которых демократично разместилось мужское и женское белье.

Келюс, пропадавший в студенческие годы в степных экспедициях и привыкший к их суровому палаточному быту, лишь покачал головой при виде таза с вишнями и кастрюли с манной кашей. Решив подождать кого-либо из обитателей и движимый еще не исчезнувшим любопытством, он склонился над грудой брошенных на произвол судьбы находок. Николай не особо разбирался в средневековой археологии и мог лишь констатировать, что керамика обычная, кухонная, XIV-XV веков.

Внезапно за его спиной прочавкали шаги, Лунин обернулся и обнаружил, что на крыльцо вышел какой-то абориген.

– Добрый день, – начал он, но не тут-то было.

– А ну убирайтесь! – завопил абориген. – Сейчас милицию позову! Хулиганы!

Николай, несколько пораженный такой встречей, поглядел на аборигена внимательней. Перед ним стоял крепкий бородатый парень лет тридцати с уже наливавшимся брюшком, одетый в домашние тапочки и странного фасона штаны, обрубленные у колен и покрытые рисунком в мелкий цветочек. В прежние годы из такой материи в провинции изготавливали летние зонтики.

– Убирайтесь, говорю! – повторил владелец штанов в цветочек и издал звук, немного напоминавший рычание.

– Да уберусь я, бином, – пообещал Лунин. – Мне только нужен Валерий...

Он назвал фамилию самарского бородача, надеясь, что это несколько охладит пыл невежливого аборигена, но вышло иначе. Тот колыхнул брюшком и хмуро оглядел Келюса с ног до головы:

– Нет тут его! Мы этого хулигана здесь терпеть не намерены. Поезжайте на Чабан-Кермен. А вообще, кто вы такой?

– Я из Столицы... – начал было изумленный Лунин, абсолютно не представлявший добряка Валеру в роли хулигана, но тут же осекся.

– Из Столицы, значит?! – возмущенно возопил абориген, словно сам факт визита из Столицы в Судак являлся чем-то аморальным. – Ишь, разъездились! А как ваша фамилия, а? Как фамилия, говорю? Сейчас милицию позову!

– Валяй, бином! – буркнул изрядно обиженный Лунин и, бросив прощальный взгляд на таз с вишней, направился прочь от столь негостеприимного места.

На автостанцию ему удалось взять билет на маленький «пазик», отправлявшийся до Морского, а оттуда, как рассказывал Валерий, было уже недалеко до лагеря экспедиции.

Автобус ехал медленно. В салоне было душно, и Лунин старался не смотреть на морскую гладь за окнами. Голова гудела от усталости, хотелось пить. Келюс, пытаясь не думать о морской прохладе, повернулся в другую сторону и стал разглядывать окрестные пейзажи. Он много раз бывал в Крыму, но восточнее Алушты никогда не забирался. Окрестности Судака поразили – вместо знакомой северокрымской степи и зелени южного побережья перед ним расстилалась бесконечная гряда невысоких серых холмов, покрытых редкими зелеными полосами террасных лесопосадок. Изредка мелькали небольшие, заросшие колючими деревьями балки, и вновь, с унылой бесконечностью, ряд за рядом за горизонт уходили покатые серые вершины. В этом странном, навевающем грусть краю чувствовалось что-то древнее, давно уже потерявшее силы и уходящее навсегда.

Наконец автобус притормозил у маленькой автостанции посреди раскинувшегося вдоль побережья селения, застроенного одноэтажками из саманного кирпича. Они прибыли в Морское.

Чтобы размяться, Лунин прошелся по маленькой грязноватой набережной, наткнувшись на покосившийся стенд местного отделения милиции, где вывешивались фотографии злодеев и сгинувших без вести бедолаг. Николай, бросив беглый взгляд на лики разыскиваемых, уже собрался идти дальше, как вдруг заметил милиционера – толстого дядьку в расстегнутом неглаженном мундире. Тот, выйдя из домика, вероятно местного отделения, нес в руках лист бумаги. Подойдя к щиту, милиционер прицепил бумагу на два пустых гвоздика, полюбовался работой и покосился на Николая, как бы приглашая взглянуть и его.

Сначала Келюс заметил фотографии – скверно исполненные, но отчего-то знакомые. Оставалось посмотреть на подпись.

...Министерство внутренних дел Республики Крым разыскивало особо опасных вооруженных преступников – Лунина Николая Андреевича и Славину Ольгу Константиновну...

Милиционер шумно дышал рядом. Надо было уходить, но Николай, не удержавшись, еще раз поглядел на фотографии. Сам получился не очень похожим – негатив взяли старый,

вдобавок сильно исказили при печати. Фотографии Ольги у тех, кто составлял объявление, не оказалось, и на бумаге была воспроизведен не особо удачный фоторобот. Лунин вскинул рюкзак на плечи и, не оглядываясь, пошел по узкой трассе вдоль моря.

Итак, границы, разрезавшие когда-то единую страну, оказались слабой защитой. Из Крыма следовало немедленно уезжать, но такие же фотографии могли уже появиться на стенах других стран, именуемых ныне «ближним зарубежьем». Лунин был вне закона. Сила, прежде жалившая из-за угла, теперь начинала распрямляться во весь рост.

Дорога от Морского на запад была пустынной. Изредка по ней с шумом и ревом проносились автомобили и вновь наступала странная, почти звенящая тишина, нарушаемая только легким шелестом моря. Синяя гладь находилась совсем рядом, за узкой полосой серого пляжа. А справа по-прежнему тянулись огромные безлесные холмы, подступавшие к самой дороге и заслонявшие полнеба. Идти было легко, рюкзак почти не оттягивал плечи, в вечернем воздухе уже чувствовалась прохлада, вдобавок вдоль шоссе то и дело встречались огромные деревья, на которых росла черная ароматная шелковица. Поднявшись на очередной холм, Николай увидел вдали силуэт большой горы, немного напоминавшей Аю-Даг. На вершине темнел хорошо различимый на фоне неба контур могучей приземистой башни. Это и был Чабан-Кермен – Пастушья Крепость, руины сгинувшей много веков назад генуэзской твердыни. До цели было еще далеко, но Николай сразу почувствовал себя бодрее.

Дорога пошла на спуск, прежде пустынные места теперь стали наполняться людьми. Серый пляж, несмотря на вечернее время, был оккупирован шумными компаниями, орало радио, а чуть дальше на морском берегу стояли ряды палаток, между которыми пристроились «жигулята», «москвичи» и даже пара военных грузовиков. Где-то через километр Келюс увидел справа от дороги въезд, перекрытый небольшим шлагбаумом. Рядом торчали щиты с многословными правилами поселения и проживания в этом приморском кемпинге, а чуть дальше небольшое окошко в сарайчике под вывеской «Буфет» обещало прохожим всевозможные блага. Николай свернул туда, бегло осмотрелся и достал бумажник. Лунин и сам был поклонником красного портвейна «Массандра», к тому же вовремя вспомнил, что начальник археологического отряда, куда он направлялся, был, если верить Валерию, страстным борцом с зеленым змием. Погрузив в рюкзак две бутылки с заманчиво смотревшимися черно-красными этикетками, Келюс решил, что полностью готов ко всем неожиданностям.

Еще через пару километров дорога внезапно вильнула вправо, прочь от морского берега. Где-то здесь и должен был находиться лагерь. От поворота в сторону горы вело несколько тропинок, Келюс вначале немного растерялся, но затем вспомнил, что в лагере должен быть грузовик и пошел по самой широкой. Чуть в стороне он заметил поднимавшийся над зарослями дымок. Лунин взглянул на часы: было время ужина, и археологи, очевидно, как раз собирались садиться за стол.

Впрочем, с дороги он все-таки сбился, забредя куда-то в камыши, затем долго выбирался вновь на нужную тропу и в конце концов, решив передохнуть, присел у обочины и закурил. Кругом было тихо, только со стороны кемпинга доносилась музыка. Внезапно где-то рядом, в зарослях сухого камыша, что-то зашуршало, и Келюс увидел прямо перед собой большого серого пса. Собака стояла в нескольких шагах, молча, не двигаясь, и взгляд ее был настолько выразителен, что Николай поневоле потянулся к рюкзаку, где был спрятан браунинг. Пес поглядел на Лунина, покачал узкой чуткой мордой и отбежал чуть в сторону. Келюс оглянулся и понял, что его серый спутник здесь не один – целая стая серых, похожих как две капли воды собак, выстроилась вдоль камышей, не сводя с него глаз. Николай не спеша встал, забросил рюкзак за плечи и поглядел псу прямо в глаза:

– Ну что? Ты настоящий или просто сволочь в шкуре?

Он знал, что собаки чутко реагируют на интонацию, поэтому старался говорить самым дружественным тоном. Но пес внезапно ощерился, зарычал, и вдруг давняя рана на локте заняла глухой болью.

– Ждете? – понял Лунин. – Эх, воина Фроата на вас нет! Как это он вашего брата, а?

Вспомнив, как Фрол одним движением гонял четвероногих оборотней, он усмехнулся и поднял вверх правую руку. Внезапно исчезла боль в локте, потеплели ладони, а на груди что-то запульсировало, словно там включился маленький, но сильный источник энергии. Николай почувствовал неведомую прежде силу и уверенность.

– А вот тебе, бином! – произнес он, размашисто перекрестив ближайшего пса. Дальнейшее произошло в долю секунды. Собака упала, перевернулась и, жалобно взыв, метнулась в сторону. Остальные еще секунду постояли, злобно глядя на человека, затем, словно по команде, повернулись и отбежали шагов на двадцать.

Лунин, не ожидавший от себя таких подвигов, только моргнул. Напряжение быстро спало, но в груди, прямо под крестиком, подаренным Корой, что-то по-прежнему пульсировало, распространяя по всему телу приятное сухое тепло. Келюс расстегнул рубашку и поразился – тепло шло от странного знака, появившегося на груди в дни его болезни. Рисунок был прежний, но линии стали толще и цвет изменился с черного на темно-красный. Николай уже почти забыл о нем, но теперь вспомнил все сразу – странное видение в пустой избушке, грустного Фрола за кухонным столом, непонятные слова, слышанные посреди ночного леса. «На тебе знак дхаров...» И вот теперь – бежавшая в ужасе серая тварь с умными человеческими глазами. В ту ночь, когда Фрол пришел рассказать о собственной гибели, он обещал, что Лунин сможет его заменить...

«Если так, то спасибо, воин Фроат!», – усмехнулся Келюс и зашагал дальше, по петлявшей среди сухих камышей разбитой гунтовке.

Лагерь открылся внезапно, за очередным поворотом. Прямо перед собой Николай увидел вкопанную в землю печурку, в которой остывали бледно-розовые угли, за нею стоял длинный, наспех сколоченный стол со скамейками, а дальше толпились палатки, без всякого порядка натканные у склона поросшей густым лесом горы. Чуть в стороне притаился зеленый грузовичок с крытым верхом. На первый взгляд, здесь, как и на негостеприимной судакской базе, тоже было безлюдно, но вот откуда-то вынырнула худая пацанка в спортивном костюме, из палатки высунулась чья-то голова, и молодой мальчишеский голос позвал какого-то Игоря Ивановича.

– Добрый вечер! – крикнул Келюс погромче, надеясь, что хотя бы здесь его не обвинят в хулиганстве. И тут же заметил Валерия.

Бородач появился из дальней палатки, весело усмехаясь и размахивая рукой, словно вождь на Мавзолее, тут же напомним Лунину классический образ археолога из старых советских фильмов. Кроме непременной бороды и штормовки, из-под которой проглядывал полосатый тельник, Валерий был в старых джинсах, а в левой руке держал полевую офицерскую сумку.

– Ага! – закричал бородач. – Пропавшая грамота! Ну, привет! А я тут как раз дневник дописывал.

Они обменялись рукопожатиями, причем ушедший в народ доцент не преминул похлопать Николая по плечам, присовокупив: «Как подрос! Как похорошел!» В ответ Келюс ткнул приятеля в живот, шепнув: «Как дела, Бертъе-Делагард?»

– Потом, – тихо произнес Валерий, продолжая хлопать Келюса по плечам. – Тебя как называть, конспиратор?

Вопрос был по существу, но Лунину надоело прятаться. В конце концов, он собирался провести здесь всего одну ночь.

– Так и называй, – решил он.

– Ну и ладно. Пошли!

Лунин кивнул, огляделся по сторонам и увидел Ольгу.

Девушка стояла у палатки, на ней была старая куртка Келюса, потертые джинсы и легкая косынка, покрывавшая волосы. В первый миг Лунин почему-то испугался, затем медленно, неуверенно шагнул ближе...

– Николай... Коля...

Ее голос звучал странно, словно Келюс был выходцем с того света. На миг Лунину стало совсем не по себе, но он быстро опомнился и постарался улыбнуться.

– Приветствую! Ну вот, я же говорил, что мы еще увидимся. А кто-то, бином, сомневался!..

– Да... Я рада, что вы живы, что вы здесь...

Келюс поневоле вздохнул: девушка говорила по-французски. Оставалось надеяться, что обитатели лагеря не отличались особой подозрительностью.

– А мы, между прочим, скучали, – заметил Валерий, искоса взглянув на девушку. – Да-с, весьма и весьма скучали. Тут, я тебе скажу, тоска смертная, да и вообще... Ну, об этом потом, сейчас тебя надо представить.

Из дальней палатки между тем появился крепкий, мрачного вида мужчина в спортивном костюме. Выражение его физиономии было недовольным, а весь вид говорил о том, что веселые возгласы Валерия разбудили обитателя палатки как раз в разгар сладкой дремы.

– Игорь Иванович, – шепнул бородач, – он же Бизон. Я тебе рассказывал...

Николай кивнул. Знаменитый Бизон, начальник отряда, работавшего на Чабан-Кермене, славился среди археологов крутым нравом. Валерий подошел к начальству и в двух словах рассказал ему о неожиданном госте.

– М-м-м-м, – неопределенно реагировал Бизон, – а место у нас есть?

– Есть, – Валерий подмигнул Келюсу.

– М-м-м-м...

Бизон, мощно ступая, приблизился к Лунину. И тут Николай заметил, что вся вальяжность грозного начальника явно напускная, небольшие умные глаза глядели на Келюса с веселым, немного даже ехидным интересом. Валерий поспешил представить гостя. Бизон потряс своей ручищей ладонь Николая, затем его взгляд стал требовательным и одновременно просящим:

– Ну-у? – протянул он. – Ну-у? У тебя есть?

– Что? – поразился Келюс.

На лице Бизона отразилась легкая тревога.

– Ну, ты принес?

– А-а-а, – сообразил, наконец, Николай. – Само собой!

И он начал развязывать тесемки рюкзака, где лежала заветная «Массандра».

– Да не здесь же! – возмутился людской непонятливостью Бизон и, схватив Лунина за руку, потащил в палатку. Валерий последовал за ними, сделав успокоительный знак Ольге, молча наблюдавшей церемонию знакомства.

В палатке Бизон усадил Келюса на продавленную раскладушку, вытащил откуда-то большой граненый стакан и вопросительно поглядев на гостя. Тот не стал мучить истомившее начальство и вытащил бутылку.

– А водка? – обиженно спросил Бизон. – Водки бы мне! Водки!..

Николай развел руками и стал колдовать с пробкой. Между тем Валерий, всегда все свое носивший с собой, достал из кармана штормовки миниатюрную кружку.

– Еще бы одну посудину, – добавил он немного озабоченно.

– Так сходи и достань! – круто реагировал Бизон, не сводя глаз с Келюса, аккуратно срезавшего пластмассовую пробку. – Ну чего ты возишься? Давай я сам!

Но Николай не ударил лицом в грязь, и пробка капитулировала. Бизон, не выдержав, выхватил бутылку и принялся быстро и умело разливать вино по емкостям.

– Ну, давай!

Под этот демократический тост пряная, терпкая, густая, словно кровь, «Массандра» была продегустирована.

Выпив, Бизон резко выдохнул воздух и полез за сигаретами. Он успел сделать лишь пару затяжек, после чего на лице у начальства отразились мрачные сомнения. Бизон отложил сигарету и, схватив бутылку, вылил уцелевшее вино в свой стакан. Последовало мощное «Гло-гло-гло!», после чего опустевшая бутылка покатилась под раскладушку, Бизон удовлетворенно затыкнулся «Ватрой» и вопросительно поглядел на Николая.

– Еще есть?

Келюс, имевший свой интерес, лишь вздохнул и покачал головой. Бизон осуждающе-горько покосился на гостя, явно не веря ни одному его слову, но настаивать не стал.

– Возьмешь в хозпалатке раскладушку, – велел он Валерию. – Она, вроде, целая.

– Поломанная, – заметил бородач, но Бизон, не отреагировав, вновь исподлобья взглянул на Келюса и велел Валерию покормить гостя, дабы тот не окосел окончательно. На этом аудиенция и завершилась.

– Хорош? – хмыкнул Валерий, когда они вышли из палатки. – А ведь умнящий мужик! Скучно ему тут... Ладно, пошли, я тебя ужином покормлю, а то и вправду окосеешь.

Пока Валерий что-то соображал у гаснущего очага, Ольга и Келюс сели за пустой стол. Николай никак не решался заговорить, понимая, что первые же слова разрушат веселую дикарскую пастораль, снова возвращая девушку в страшный, отвергнувший ее мир.

– Что? – внезапно спросила Ольга. – Очень плохо, Коля?

Келюс хотел ответить, что-нибудь неопределенное, но не смог.

– Очень. Нам завтра же надо уходить, мы оба в розыске...

– Что такое «в розыске»? – удивилась девушка.

– Ловят, – коротко пояснил Лунин. – Уголовка раскидала наши фотки... То есть, э-э-э... сыскная полиция разослала фотопортреты всем околоточным... будочникам...

– Я поняла, – грустно улыбнулась Ольга. – Можете не переводить. Если бы вы знали, как надоело убегать! Впрочем, что это я, вы, конечно, знаете. Кажется я повторяюсь, но я действительно рада, что вы живы, и что мы снова встретились. Мне очень хотелось вас видеть, Коля...

Ее плечи зябко дрогнули, девушка отвернулась, но быстро пришла в себя и постаралась улыбнуться.

– Вы знаете, Николай, я землю копаю. Как выражается Валерий, «стою на лопате». Вначале я думала, что это очень трудно, но быстро привыкла.

– Ага, – подтвердил Валерий, ставя перед Келюсом миску подогретого варева и кружку с чаем, – работаете вы, Ольга, замечательно, куда этим молокососам! Ольга еще и дневник ведет, когда мне бывает лень. Я ведь ленивый, ты знаешь. Ну, лопай, а я тебе все в двух словах обрисую.

Лунин взял ложку и занялся ужином. После голодного дня, завершившегося кружкой «Массандры» без закуски, произведение здешней кухни показалось Николаю вполне сносным.

– Значит так, – начал Валерий, оглянувшись и убедившись, что никого поблизости нет. – Бордель тут, прошу прощения, Ольга, страшный. Даже не бордель, а целый бордельеро. Главный здесь – Кубометр, начальник Южно-Крымской. Знаешь такого?

Николай кивнул. О знаменитом Кубометре слышать приходилось.

– Кубометр считается начальником всех экспедиций Южного берега. Его мы и не видим, он в Симферополе, заключает хоздоговора. Но дух его, естественно, с нами. Начальником он поставил Бизона, тот археолог отменный, но когда Кубометр требует только... гм-м... кубо-

метры, то ни о какой науке говорить не приходится. Копаем, как кроты! Одним словом, кну-рим...

Валерий возмущенно покачал головой. Его археологическая душа была неспокойна.

– Я веду дневник, но тут это никому не нужно. Мне это даже в лицо говорят, работнички! Видел здешних?

Келюс пожал плечами. Кроме малолетней девицы, чьей-то взлохмаченной головы, да еще Бизона, он никого не заметил.

– Набрали мелюзгу! – скривился бородач. – Дети начальничков, пионеры-герои. Кубо-метр, понимаешь, контакты крепит, а копать некому. Если бы не Серега Семин, то вообще пропали бы...

– Я был в Судаке, – заметил Келюс.

– А-а! – махнул рукой самарский доцент, – там вообще гадючник. Все, с Южно-Крым-ским Филиалом больше дела не имею! Поеду-ка на следующий год в степь!

– В Судаке я встретил какого-то типа. С брюшком такой, в детских штанишках. Очень, бином, вежливый.

– А-а, – понял Валерий. – Дурилка!

– Кто? – удивился Лунин.

– Дурилка. Начальник судакской базы. Фамилия у него тоже хороша – то ли Морилка, то ли Курилка... Хам, конечно, редкий, мы с ним сразу сцепились. И другие немногим лучше. Знал бы, что в этом году начнется, ноги моей здесь не было! Если б не Серега... Семин! – внезапно крикнул он, в сторону одной из палаток.

Палатка молчала.

– Спит, – заключил археолог. – Ладно, потом познакомлю. Отличный мужик, чуть ли не лучший работник у Кубометра, а тот его все в лаборантах держит. Серега здесь все знает, он и первую разведку проводил в прошлом году. У него это, между прочим, наследственное, дед известным краеведом был, ему сейчас в Перевальном чуть ли не памятник ставят...

Келюс слушал этот веселый треп и завидовал Валерию. Уютный мирок, полный мелких неприятностей, но такой дорогой для каждого, кто хоть когда-нибудь хотя бы кончиком пальца прикасался к археологии...

– И чего вы копаете? – поинтересовался он, желая оттянуть неизбежный разговор.

– Башню на горе видел? – Валерий кивнул в сторону утонувшей в сумерках вершины. – Торчит, понимаешь, как ананас. Ее и копаем. Вернее не башню, а рядом, там мы вышли на фундамент стены... Ну, завтра увидишь. А замок любопытный. Ольга о нем даже стихи напи-сала.

– Помилуйте, Валерий! – растерялась девушка. – Я же вас просила!

– Ложная скромность... – бородач вздохнул. – Ладно, стихи потом, сначала о замке. Ничего в нем особенного нет и быть не может. Генуэзский, в прескверном состоянии. Осно-вали его братья-разбойники Чезаре и Гонзальво ди Гуаско. В Генуе они, кажется, тоже изрядно нагресли, местные власти их турнули, вот братаны сюда и приплыли.

Археолог покачал нечесаной головой, осуждая братьев-разбойников.

– Здесь, на Пастушьей горе, они и обосновались. Грабили всех подряд, резали, жгли, а для пушего устрашения понастроили вокруг горы виселиц. У них была банда арбалетчиков, то ли греков, то ли вообще готов. Та башня, что уцелела – донжон, там они, так сказать, имели место пребывания...

...Келюс вдруг ясно увидел мрачный зал с узкими окнами, затянутыми толстыми стек-лами в свинцовых переплетах. В огромном камине пылали смолистые поленья, неровный свет от очага смешивался с отблесками горящих факелов...

– А потом приплыли турки, и все пошло прахом... – не без удовольствия заключил Вале-рий. – Ди Гуаско вместе со своим войском и золотом пропали невесть куда, а, поскольку эта

парочка ко всему еще баловалась чернокнижием, аборигены рассудили, что тут не обошлось без нечистого. Впрочем, Ольга об этом лучше написала...

– Валерий!.. – возмутилась девушка.

– Нет-нет, раз уж меня заставили выступать с лекцией, то будьте добры, Ольга Константиновна, уважьте. Не то я сам прочитаю, причем с выражением...

– Не надо, – вздохнула Ольга. – Я лучше сама...

Она прикрыла глаза, чуть помолчала.

На мертвых свитках – мертвые слова...
Здесь пасынки Авзонии царили,
Что меж собой и смертью заключили
Двойной союз – меча и колдовства.

Не помнит вас печальная вдова
Италия, откуда вы приплыли,
Но давний страх еще не позабыли
Руины замка, серая трава...

Из окон башни льется бледный свет,
Наточен меч, заряжен арбалет –
Не спится вам, сеньоры кавалеры?

Штандарт сжимает мертвая рука,
Гремит железо, и, презрев века,
Скользят по морю черные галеры.

– Да... – вздохнул бородач. – В вашем исполнении, Ольга, все представляется куда нагляднее. Хоть объект, в общем-то, препаршивый, никакого культурного слоя...

– Очень хорошо, Ольга, – улыбнулся Келюс, – у вас получается не в пример этому, бином, стрикулисту. Тараторит себе, тараторит...

– Ага, – кивнул Валерий, – mea culpa! Жаль, Серега дрыхнет, он же эту гору, можно сказать, успел прочувствовать. Он мог бы тебе кое-что показать, как стемнеет. Весьма занимательное!

– Ночью? – удивился Келюс.

– Ночью. Вам, Ольга, я на это как-то намекал, но все не получается... Ну ладно, Николай, давай-ка рассказывай!

– Сейчас, – помрачнел Келюс. – Только... Знаешь, пошли отсюда! Мало ли... Знаю, бином, эти палатки!

– Лады, – кивнул бородач. – Не забудь бутылку захватить – ту, что от Бизона заныкал.

Они выбрались на небольшую полянку метрах в двухстах от лагеря. Здесь было совсем тихо, невысокий лес стоял черным непроходимым валом, а над головой раскинулось белое от звезд безлунное южное небо. На земле расстелили прихваченное из палатки одеяло, и Валерий принялся возиться с бутылкой.

– В общем... – начал Лунин и тут же запнулся. – В общем, нам с Ольгой завтра же надо отсюда уезжать. Нас ищут по всему Крыму...

– То есть?

Валерий настолько удивился, что даже на миг прекратил возню с несговорчивой пробкой.

– Крымская милиция объявила розыск. И, боюсь, не только крымская.

– Да что случилось-то? – воскликнул самарский доцент, выбрасывая побежденную пробку куда-то в сторону опушки.

– Всякое, – неохотно проговорил Келюс. – Всякое... Фроат... Фрол...

– Что такое с Фролом Афанасьевичем? – удивился Валерий. – Насколько я понимаю, с ним уж точно не ничего не может случиться.

– Фрол погиб...

Ольга тихо охнула. Послышался странный стук: бутылка, выпавшая из рук археолога, ударилась о кружку.

– Ты... Ты... Да быть такого!.. – бормотал растерянный и пораженный Валерий. – Когда? Ты точно знаешь?

– погоди, – прервал его Келюс, – сейчас все расскажу по порядку. Только не перебивайте...

...Говорить было трудно. Мрак, обступавший поляну, давил, мешая вспоминать. И без того невеселый рассказ казался особенно тяжелым и безнадежным. Наконец Лунин закончил и отхлебнул из протянутой Валерием кружки, совершенно не чувствуя пряного вкуса «Масандры».

– Да, – вздохнул Валерий. – То, что Шинджу, подлюгу этого, прикончили, это славно. А в общем... Плохо, что тебя Дурилка видел. Это очень плохо, Николай!

– Плохо, – вяло согласился Лунин, – да что уж теперь, бином...

– Николай, вам нельзя было сюда приезжать, – внезапно заговорила Ольга, – ничего бы со мной не случилось. Вам надо уходить через Канал Мика, там вы будете в безопасности...

– Нет, правильно, что приехал, – возразил бородач, – мы все-таки втроем, а может, и не втроем даже. Сообразим чего...

Он поглядел на заливший небо Млечный Путь, покачал лохматой головой.

– Пора домой, мальчики-девочки. Подъем в шесть, так что...

Он не договорил. Где-то неподалеку заурчал мотор, звук, отчетливо различимый в чистом ночном воздухе, слышался совсем близко. Двигатель еще раз заурчал, уже тише, чихнул и умолк.

– Это в лагере, – удивился археолог. – Странно, мы никого не ждем. Вообще-то, к Бизону пару раз прикатывали приятели, но это, по-моему, грузовик.

Он с сомнением поглядел в сторону лагеря, скрытого за стеной леса.

– Нам нельзя возвращаться, – Ольга встала. – Николай... Коля, вам надо уходить. Сейчас же!

– Так вещи же, – растерялся Лунин. В рюкзаке, брошенном в палатке самарского доцента, кроме нехитрого скарба, лежал дедов браунинг.

– Без паники, – Валерий тоже встал. – Вот что, мальчики-девочки, схожу-ка я на рекогносцировку. Может быть, зря паникуем.

Келюс и Ольга переглянулись. Отпускать Валерия не хотелось, но бородач уже принял решение:

– Значит, так. Я быстро, меня, надеюсь, и не заметят, подойду со стороны леса. Ждите здесь и никуда не уходите...

– Ясно, – откликнулся Лунин. Решительность археолога ему всегда импонировала.

– И вот что, – чуть подумав, добавил тот. – Буду возвращаться не один, крикну «свои». Если услышите что другое или я буду молчать – мотайте, как говорят хохлы, «свит за очи» и не поминайте лихом.

– Добре, – попытался ответить по-украински Келюс, еще раз убеждаясь, что Валерий разбирается не только в средневековой керамике.

– С Богом! – проговорила Ольга. Бородач откозырял двумя пальцами и сгинул в темноте.

Время тянулось мучительно медленно. Николай прислушивался, но со стороны лагеря доносились лишь невнятные голоса. Ольга сидела на одеяле, обхватив колени руками и молчала. Келюс пристроился рядом.

– Николай, – девушка обернулась, – а может вы ошибаетесь, и Фрол Афанасьевич жив? Может, его арестовали?

Лунин лишь пожал плечами – Шинджа сам хвастал убийством. Стало не по себе. Этой ночью, среди чужого темного леса, Келюсу как никогда не хватало всегда спокойного и отважного Фрола. Уж воин Фроат сразу бы сообразил, что делать! Лунин прикинул, что будет, если вместо Валерия из-за деревьев сейчас появится Сиплый. На секунду стало по-настоящему страшно, но тут ладонь Ольги легко, едва касаясь, погладила его по плечу...

За деревьями послышались шаги. Николай вскочил и прислушался – кто-то шел, причем не один. Келюс оглянулся, прикидывая, где лучше им спрятаться, но тут до него донесся негромкий голос Валерия. Бородач проскандировал: «Сво-и! Сво-и!» – и вынырнул прямо из ночной темноты.

Он был действительно не один. Вместе с ним на поляну вышел высокий, на полголовы выше Келюса, парень в неприменной археологической штормовке, с каким-то свертком в руках.

– Это Серега Семин, – выдохнул археолог. – Прошу любить, прошу жаловать... Уф, проклятое курение, совсем двигаться разучился!

– Сергей, – низким сильным голосом прогудел Семин, пожимая мощной ладонью руку Лунина. При тусклом звездном свете Николай разглядел, что тот был, как и полагалось археологу, бородач, носил тельник и выглядел несколько мрачно, может быть благодаря тускло блестящим металлическим коронкам.

– Ну вот, Серега, – продолжал Валерий, – про Николая я тебе рассказывал. Так что этой ночью ты оказался в плохой компании... За исключением Ольги Константиновны, разумеется.

– Вы его не слушайте, Сергей, – вмешался Келюс. – Компания у нас самая распрекрасная. Так что там, Лер?

«Лер» было давним студенческим прозвищем бородача, которое оба они уже успели подзабыть. Валерий секунду-другую соображал, к кому это обращаются, затем мотнул головой.

– В общем, худо. Вот твой рюкзак, архаровец. Ольга, ваш свитер... Сергей захватил даже спальник, но думаю, он нам ни к чему...

– За вами это, – перебил Семин. – Какой-то мужик в плаще и шляпе, говорит, ваш приятель...

– Сиплый? – вскинулся Келюс. – Голос у него такой странный...

– Голос – это точно! Говорит, словно его душат. С ним еще трое пацанов, один в черной куртке. Нервные такие!..

Николай кивнул, узнавая из этого краткого описания своих странных знакомых с обостренным чувством классовой ненависти.

– А пятым там Дурилка, – закончил Валерий. – Видать, и вправду стукачок! По-моему, у этого Сиплого пара револьверов в карманах, да и у пацанвы тоже. Бизон, молодец, сразу сообразил – шепнул, чтоб я вас предупредил. Я сказал, что вы с Ольгой к морю пошли, так что у нас есть полчаса... Ай да Дурилка. Вот сука поганая!..

– Валерий! – укоризненно произнесла Ольга, и тот смущенно умолк.

– Как нам лучше уходить? – поинтересовался Келюс, плохо знавший местную географию.

– На дорогу нам не выйти, – бородач быстро оглянулся. – Придется идти через лагерь. Разве что напрямую, через лес...

– Там болото, – прервал его Семин, – ночью не пройти.

– Плохо. Есть еще одна дорога, мимо горы, но там обрыв – и море. Найдут, даже ночью...

– Пересидим в лесу, – предложил Семин, – я вот и спальник для вас, Ольга, захватил. А как будет рассветать, я переведу вас через болото на трассу.

– У тех машина, – возразил Валерий. – Правда, в начале шестого будет рейсовый автобус. Если сразу туда...

– Точно, – одобрил лаборант. – Пошли, что ли? Тут чуть дальше места глухие, сам еле дорогу нахожу.

– Я готова, – сказала Ольга и поправила куртку. – Пойдемте, Николай?

Келюс задумался.

– Нет, в лесу не отсидимся. Смотрите!

Он кивнул в дальний угол поляны, где из мрака проступили несколько темных, еле различимых силуэтов.

– Собаки, – удивился Валерий. – Странно... Ну ладно, собаки, и что?

– Нас уже нашли, – Луний помотал головой, пытаясь сбросить мгновенно навалившуюся тяжесть. – Они пойдут следом...

– Да ну тебя! – возмутился археолог. – Бродячих собак испугался, орел!

Келюс пожал плечами. Доказывать свою правоту не было ни времени, ни сил.

– Плохие собаки, – Сергей внимательно всмотрелся, покачал головой, – таких тут не было. В лесу оставаться нельзя.

– Тогда на гору, – предложил Валерий, – к замку братьев-разбойников. Туда они ночью дороги не найдут. Ах черт, ведь с ними Дурилка, он-то дорогу знает. Но все равно...

– Спрячьте Ольгу, – устало произнес Келюс, доставая из рюкзака оружие, – а я останусь здесь. Поглядим, бином!..

– Ишь, снайпер! – хмыкнул бородач. – А у меня думаешь что – рогатка?

Он распахнул штормовку, продемонстрировав прикрепленную к поясу кобуру.

– Вместе пойдем, – решительно заявил Семин. – Ничего, отсидимся!

Келюс пожал плечами, решив не спорить, и поднял с земли рюкзак.

Маленький отряд углубился в лес. Тропинка сразу же резко пошла вверх, длинноногий Сергей шел быстро и уверенно, остальным же приходилось почти бежать. Тропа петляла, под ноги лезли то камни, то изогнутые корни, и Келюс, чувствуя, что Ольга начинает сдавать, подхватил ее под руку.

– Ничего, – шепнула девушка, с трудом переводя дыхание, – дойду... Николай, зачем вы опять говорили, что хотите остаться один? Это нечестно! Это...

– Извините, Ольга, – проговорил Келюс, старательно вглядываясь в еле заметную тропку, – просто устал...

Вскоре им стало не до разговоров. Подъем стал еще круче, затем тропа уткнулась в земляную стенку, по которой пришлось подниматься, ставя ноги в неглубокие выбоины. Ольга совсем выбилась из сил, и Луний еле втащил ее наверх.

Теперь вершина была совсем близко. Лагерь, заметный по темно-красному пятнышку костра, остался далеко внизу, слева тускло мерцало неровное зеркало моря, а справа, чуть выше по склону, возвышалась полуразрушенная громада замка. Деревья остались позади, все покрывала высокая трава, лишь кое-где темнели небольшие заросли колючего кустарника.

Тропинка становилась уже и забиралась все выше. Николай сообразил, что дорога эта – единственная. Братья ди Гуаско знали, где строить свое разбойничье гнездо. Наконец тропа уткнулась в огромный развал камней, Сергей остановился и махнул рукой. Они были у цели – далеко внизу тускло светилось море, сзади темнел обрыв, а прямо перед ними ползли вверх неровные ряды старинной кладки.

Глава 3. Тени замка

Над горизонтом вставал тонкий бледный серп Луны. Неяркий свет падал на черное одеяло леса, серебристую неровную поверхность моря и голые вершины серых киммерийских гор. На Чабан-Кермене было тихо, не трещали даже вездесущие крымские цикады. Келюс, Валерий и Семин сидели у груды камней неподалеку от полуразрушенной стены. Ольга, никогда не бывавшая на вершине ночью, отправилась к подножию башни. Между тем, Валерий излагал свой стратегический план.

– Эдакие Фермопилы, – рассказывал он. – Тропа узкая, слева обрыв, пройти можно только одному. Мы останемся тут, за камнями, до поворота – метров пятнадцать. В общем, но пасаран...

– Будем стрелять? – Келюс искоса взглянул на Семину, но вечный лаборант оставался невозмутим.

– Не хотелось бы, – пожал плечами бородач. – Но если приспичит, боюсь, выбора не будет.

– Выбор есть, – заметил Лунин. – Ребята, это моя война. Спасибо за все – и уходите. Если можешь, Валерий, оставь мне свой ствол.

– Будем обсуждать? – Валерий повернулся к Семину, тот молча покачал головой.

– Да поймите! – загорячился Келюс. – Ну ладно ты, Лер, всегда психом был – но Сергея зачем подставлять? Им нужны наши с Ольгой головы, а вы – свидетели. Я этих подлюг знаю...

– А ты его уговаривай, – усмехнулся археолог, кивая на Семину. – Меня можешь не стараться. Псих не я, а ты, и за тобой нужен присмотр. Сергей, тебя стоит уговаривать?

– Не стоит, – в темноте блеснули стальные коронки.

– К тому же, здесь Ольга. Все ясно, или еще раз изложить?

Лунин не ответил. Опять приходилось рисковать чужими жизнями, и на душе было скверно.

– Да не волнуйся ты! У нас два ствола, позиция идеальная. Пугнем их, и покатятся. Не самоубийцы же они!

– Сиплону пули не страшны, – вздохнул Николай, чувствуя, что его приятель сказал далеко не все.

– Он этот, как ты его называешь, ярт? Упырь кумулятивного действия? Сергей, ты веришь в упырей?

– Верю – спокойно ответил Семин. – От этого типа в шляпе холодом несет.

Келюс подумал, что его новый знакомый совсем не так прост, как кажется.

– Из двух стволов, да еще в упор... Отобьемся!.. Эх, если бы не Дурилка проклятый!

– Что? – понял Лунин. – Здесь есть еще одна дорога?

– Есть, – неохотно согласился археолог. – В общем, даже не дорога, черт знает что, а не дорога, но подняться можно. Это на противоположной стороне, – он кивнул в сторону моря.

– Вот бином, – вздохнул Келюс. – А мы можем ее тоже перекрыть?

И он показал на тропинку, исчезающую за противоположным углом полуразрушенных стен.

– Нет, – покачал головой самарский доцент. – Та тропа выходит далеко отсюда, и они смогут зайти в тыл. Стены невысокие, сам видишь.

Валерий кивнул на развалины стены по другую сторону от главной башни.

– Может, Дурилка не сообразит, – неуверенно добавил он. – Или струсит, в конце концов. Он ведь трус...

Келюс еще раз огляделся, лихорадочно пытаясь найти выход. Он подумал о башне и поделился своими соображениями с Валерием.

– Вообще-то, можно, – заметил археолог и как-то странно поглядел на Сергея. Тот оставался невозмутим. Лунин вдруг ясно представил себе лицо Михаила Корфа. Интересно, как кавалер Анны и Владимира оценил бы идею Келюса? Николай еще раз окинул взглядом башню, и в его ушах сам собой прозвучал голос барона: «Помилуйте, Николай, это ведь каменный мешок! Одна граната...»

– Ладно, – решил он. – Пока останемся здесь. Вначале, бином, думаю, они мудрить не будут. Спустим их разок с горы, а там увидим. А может, нам самим по этому второму пути попробовать?

Валерий кивнул на расстилавшуюся перед ними панораму. Николай взглянул и понял: до шоссе предстояло пройти больше километра, банда Сиплого легко догонит их на грузовике. А спрятаться на ровной местности негде.

И тут Николай заметил, что Валерий вновь как-то странно поглядел на Семина и даже еле заметно кивнул в сторону донжона. Тот внешне никак на это не реагировал, но явно задумался.

Впрочем, поразмышлять об этом Келюс не успел. Послышались легкие шаги, из темноты возникла Ольга.

– Ну как башня в ночном исполнении? – как ни в чем не бывало, поинтересовался Валерий.

– Как странно, господа, – негромко заговорила девушка. – Я столько раз бывала здесь днем и не замечала. Какое странное место!..

Валерий и Сергей вновь переглянулись. Николай понял, что археологам определенно хочется о чем-то поговорить наедине.

– Я приложила руку к стене, – продолжала Ольга. – Там, около главного входа в башню. И мне показалось, будто я слышу чьи-то голоса, музыку. Это было похоже на лютню. Я отняла руку, и все стихло...

– Кхм-м, – отозвался Валерий, поглядев на Семина, будто хотел сказать: «Ну, ты понял?»

– Значит, так, – заявил он, вставая и делая знак Сергею. – Уважаемая Ольга Константиновна, оставляем вас на несколько минут под надежной защитой этого... э-э-э, как мне уже приходилось отмечать, орла, а сами ненадолго удаляемся на, э-э-э, производственное совещание. Николай, злодей, не забывай все же следить за тропинкой. Ольга Константиновна, прошу не волноваться, вы здесь в полной безопасности.

Он выразительно взглянул на Лунина. Тот понял, что приятель велит молчать об их разговоре и согласно кивнул. Археологи, отойдя шагов на сорок в сторону, начали о чем-то оживленно беседовать.

– Валерий сказал правду? – Ольга присела на большой серый камень, когда-то выпавший из стены. – Они нас не найдут?

– Не знаю...

Келюс хотел сказать о собаках, которые, если он оказался прав, неизбежно выйдут на их след, но взглянул на девушку и промолчал, пожалев, что рядом нет Валерия, славившегося своей дипломатией.

– Поняла... На гору ведут несколько тропинок, они смогут подняться...

И вновь Келюс не решился солгать.

– Смогут... Ничего, бином, досидим до утра...

Но он тут же сообразил, что утро не принесет спасения. Скрывающая их темнота исчезнет, а надеяться на чью-то помощь не приходилось. Их задержит первый же милицкий патруль.

Похоже, девушка также это поняла, ее взгляд стал каким-то странным – жестким и одновременно полным отчаяния.

– Значит, вы опять попали из-за меня в беду!.. Знаете, Николай, перед смертью отец сказал, что наша семья проклята, и мы будем приносить несчастья всем, кто рядом с нами. Три

века назад по приказу моего предка убили ребенка, мальчика девяти лет. Такое не искупить ничем... Я осталась последней из нашей семьи, Николай. И лучше бы мне сейчас быть со всеми!..

Келюс вспомнился сон: глубокая яма у проселочной дороги, распавшиеся остовы...

– Прекратите, Ольга, бога ради! – поморщился он. – Охотятся, собственно говоря, за мной. Гордиться тут нечем, но это мы с дедом вышли на архив, мы с Фролом искали скантр и прикончили Волкова. Так что кто еще кого, бином, втянул!

Ольга покачала головой, ладонь коснулась его пальцев.

– Нет, Коля. Вы – человек этого мира, у вас есть прекрасные друзья, вам есть где скрыться. А у меня нет ничего. Даже не так – меня просто нет. Михаил... Мик рассказывал, что есть теория множественности миров, очень похожих, почти одинаковых. Но меня ни в одном из них уже нет. Помогать мне бесполезно, я даже не призрак... Иногда мне кажется, что когда нас убивали, я успела крикнуть и теперь я-нынешняя – просто эхо, отзвук этого крика... Если с вами что-то случится, я не прощу это себе даже там...

Лунину стало не по себе.

– Вы эту мистику бросьте! – заявил он самым невежливым тоном. – Мику, паршивцу, уши оборву, чтоб ерунды не болтал! В конце концов, Ольга, если вы меня окончательно отпели, то во имя искупления вам, бином, придется согласиться стать моей вдовой...

Он осекся, соображая, что такого ляпнул. К его удивлению, Ольга рассмеялась:

– Мне уже как-то делали предложение, Николай, даже дважды, но такого оригинального я еще получала! Извините, я действительно сказала что-то не то... И, конечно, не собиралась вас, как вы говорите, отпевать! Но ваше предложение я не забуду. Как-нибудь обдумаю на досуге.

– Угу, – отвернулся Лунин, с явным облегчением заметив, что Валерий и Семин, о чем-то договорившись, идут к ним.

– Ну чего, Лер? – как можно веселее обратился он к бородачу. – Удумали?

– Удумали, – охотно отозвался тот. – Мы, понимаешь, обсуждали твое мудрое предложение, чтобы вам здесь остаться, а нам дать деру. Ты ведь так ставил вопрос, камикадзе?

Ответа Валерий явно не ожидал.

– Стало быть, посоветовались, и проявилось, так сказать, мнение. Оставить вас тут, конечно, можно и нужно. Но! – археолог наставительно поднял палец. – Но только в том случае, пример ты наш героический, если вас с Ольгой здесь даже судья с ищейкой не найдет.

Келюсу представилось мрачное – без окон и дверей – подземелье под главной башней.

– Ольга, – обернулся к девушке бородач. – Не обижайтесь, пожалуйста, но у меня вопрос... Как вы относитесь к идэ фикс этого молодого человека? Ну там, оборотни, приведения, призраки утонувших невест? В общем, с нервами у вас как?

– Вы знаете, кто я, – спокойно ответила Ольга. – Фантомы в саванах меня уже давно не пугают. Я выразилась понятно?

– Понятно. Значит, к делу. Сергей, давай теперь ты.

– А чего я? – пожал плечами Семин. – Ладно... Прошлой осенью я был здесь на разведке, копнул неподалеку от башни, а там ступеньки. Думал копнуть дальше, а ночью они ко мне и явились...

– Кто? – поразился Лунин. – Ребята, это что у вас – юмор перед сном?

– Сейчас увидишь, – пообещал самарский доцент. – А ну-ка прогуляемся!

У подножия башни бородач кивнул на огромные, грубо отесанные камни, скрепленные окаменевшим за века цементом.

– Приложи руку.

Келюс послушался и – и тут же отдернул ладонь. В уши ударили громкие голоса, звуки лютни. Николай осторожно притронулся пальцами к камню – красивый густой мужской голос пел что-то на непонятном языке. Тут же вспомнились слова Ольги...

– Впечатляет? – хмыкнул Валерий. – А теперь прошу всех ретироваться. Шагов на десять, да, Сергей?

Тот кивнул, посматривая то на башню, то на неровный венец полуразрушенных стен. К их подножию и отошли, остановившись у огромного провала с рваными неровными краями, где был когда-то главный вход. Семин остался на месте.

– Давай! – махнул рукой Валерий, подмигнув Келюсу. Тот пожал плечами и взял Ольгу за руку, чуть заметно пожав тонкую ладонь.

Сергей между тем постоял у стены, к чему-то прислушиваясь, затем положил обе ладони на поверхность камня и, подождав еще мгновение, громко и четко произнес, обращаясь к кому-то невидимому:

– Чезаре! Это я, Семин! Поговорить надо!..

Келюс удивленно огляделся, но ничего не произошло, никаких итальянцев на вершине не было и быть не могло.

– Слышишь меня, Гуаско? Ты клялся!..

Тут только Николай понял, к кому обращается странный парень. Чезаре ди Гуаско, хозяин Пастушьей Крепости... Луний подумал о нелепом розыгрыше, и вдруг понял: что-то изменилось. Другой стала тишина – вместо молчания старых, давно покинутых людьми развалин, вокруг был огромный зал, полный людей, которые замерли, не решаясь проронить ни звука. Откуда-то доносились странные шорохи, слышался шепот, прозвенела задетая струна. Но вот сильный мужской голос, похожий на тот, что недавно пел, проговорил ровно и спокойно:

– Я иду!

На самом деле он сказал иначе – на певучем непонятном языке, но Келюс каким-то образом мгновенно понял значение каждого слова.

Над башней замерцал свет. Вначале он был еле заметен, теряясь на фоне звездного неба, но затем сгустился, обозначая четкие ровные контуры, и Николай понял, что видит перед собою башню, какой она была много веков назад – огромная, раза в три выше уцелевшего основания, с каменным венцом на вершине, с узкими стрельчатыми окнами и черными силуэтами застывших на посту солдат в круглых, чуть приплюснутых с боков шлемах. На месте рваного провала проступила высокая, обитая светлым металлом дверь, перед которой темнели цепи опущенного подъемного мостика. Сквозь светящийся контур Николай по-прежнему различал темный излом развалин, но призрачная башня с каждой минутой становилась все зримее, можно было уже различить ровные ряды новеньких, только что уложенных камней со свежими следами сколов.

– Красиво! – шепнула Ольга. – Как в сказке!..

Николай молча кивнул, почувствовав что-то нездешнее, чужое, чему не было места под родным небом. Рыцарская Европа, далекая, непонятная...

...Створки дверей не спеша отворились, в проеме заиграл свет факелов, слышалось негромкое слитное пение. Николай подумал, о чем могут петь в разбойничьем замке, и вдруг в его голове сами собой стали рождаться слова католического псалма. Призраки пели о Господе – их едином оплоте, сокрушившем кости надменных врагов.

Свет факелов дрогнул. Из дверей ровно и мерно шагнули арбалетчики в темных доспехах. Они шли по трое, неся арбалеты на плече, забрала округлых шлемов были опущены, а движения чуть замедлены, словно при неудачной киносъемке. Ряд за рядом они выходили из башни, выстраиваясь в шеренгу у ее подножия. Их железные ботинки ступали бесшумно, словно не касаясь земли. За арбалетчиками в проем шагнули слуги в роскошных ливреях. Они несли факелы, пылавшие странным голубоватым огнем. Факелоносцы спускались вниз, выстраиваясь в ровный живой коридор, голубоватое пламя горело ровно, недвижно. На мгновение наступила тишина, а затем громкий голос торжественно возвестил:

– Их светлости монсеньоры ди Гуаско!..

В дверях появились двое. Первый был высоким, широкоплечим с короткой квадратной бородкой, одетым в черный камзол, на котором сверкала золотая цепь. Другой – пониже, поуже в плечах, безбородый, облаченный в пестрое многоцветное одеяние. Человек в черном сделал быстрый знак рукой. Заревели невидимые трубы, солдаты загремели оружием, где-то за стенами башни гулко ударил барабан. Призрак несколько секунд стоял, чуть приподняв голову, затем вновь сделал еле заметный жест, и у башни наступило молчание.

– Я, Чезаре ди Гуаско, хозяин этого замка и этой страны! Это мой брат и вассал Гонзальво, это мои слуги и мои воины. Я пришел, верный своей клятве. Кто вы и зачем потревожили мой покой?

И вновь незнакомые слова становились понятны, словно где-то рядом притаился незримый толмач.

– Привет, Чезаре! – самым прозаическим образом отреагировал Семин. – Поговорить надо.

– Привет, Сержио, привет, Валерио! – гордый хозяин замка, легко сбежав по ступенькам, подал Сергею, а затем и самарскому доценту руку в черной перчатке с широким раструбом.

– Я увидел, что вы не один, и решил встретить гостей, как подобает, – продолжал он учтиво кланяясь Ольге и здороваясь с Келюсом. Николай подал руку не без робости, но ничего страшного не произошло – он коснулся тонкой плотной ткани, под которой чувствовалась твердая мускулистая ладонь.

– Это Ольга, а это Николай, – продолжал Валерий. – Им нужна ваша помощь.

Чезаре поглядел на Лунина темными пронзительными глазами, еле заметно усмехнулся, затем низко поклонился девушке.

– Я не узнал вас сразу, блистательнейшая! Как прикажете обращаться к вам, скрывающей свою славу в этой глуши?

– По имени, – спокойно ответила Ольга.

– Тебе тоже нужна помощь? – Чезаре вновь поглядел на Келюса, и улыбка его стала недоброй. – Тебе, великому колдуну, со знаком власти на груди?

Николай понял, что ди Гуаско знает о дхарском знаке под его рубашкой. Он хотел ответить, но тут заговорил Валерий.

– Чезаре, чего ты крутишь? Их ищут, мы просим тебя помочь...

– Я готов отдать все, кроме моей чести и моего золота! – надменно произнес ди Гуаско, затем, чуть помолчав, добавил: – Но в мой замок не сможет войти человек из вашего времени. Для вас там только камни и прах. Даже если у него получится, он пробудет там недолго – или останется навеки с нами...

– Ольга не из нашего времени, – заспешил Келюс. – У нее есть скантр... такое устройство...

– Брат, – внезапно заговорил молчавший все это время Гонзальво. – Мы должны помочь им. Молодая сеньорита так прекрасна!..

– Помолчи! – резко оборвал его Чезаре и обратился к Келюсу:

– Я дал клятву сеньору Сержио, что буду помогать ему и его друзьям. Ты прав, в моем замке сеньорита будет в безопасности. Но тебе, сеньор Никола, могу лишь пожелать удачи в бою. Думаю, тебе не понадобится железо...

Он кивнул Лунину, а затем сделал знак брату. Гонзальво сбежал по ступенькам и подал Ольге руку. Девушка оглянулась, быстро подошла к Николаю, хотела что-то сказать – не смогла. Келюс попытался улыбнуться...

Гонзальво, молодой, изящный, с красивым, немного томным лицом, почтительно поклонившись, повел девушку вверх по мостику. Загремели трубы, вновь забил невидимый барабан, арбалетки застыли в строю.

– До свидания, сеньоры! – Чезаре поклонился, и его взгляд скользнул по лицу Келюса. – Мне очень жаль, что я не смог помочь тебе, сеньор Никола. Но я уверен, что мы еще встретимся с тобой в царстве живых и в царстве мертвых.

– Помни свою клятву! – крикнул Семин, когда разбойник, еще раз поклонившись, повернулся чтобы уходить.

– А ты – свою! – отозвался ди Гуаско, не оборачиваясь.

Арбалетчики ряд за рядом стали исчезать в дверном проеме. Затем ушли факелonosцы, и у раскрытых дверей остались стоять лишь братья и Ольга, которую держал под руку молодой Гонзалво. Чезаре махнул рукой, прощаясь, они переступили порог, и Лунин внезапно понял, как изменилась девушка. Исчезла старая куртка и джинсы, превратившись в затканное серебром платье, в волосах сверкнула золотым огнем маленькая корона... Створки дверей, повинувшись неведомой силе, захлопнулись, призрачный замок исчез, словно порыв ночного ветра унес его с вершины Чабан-Кермена. Вокруг вновь стало пусто, лишь поздняя луна заливала слабым неверным светом развалины сгинувшей твердыни.

– Вот жлоб, – самым непоэтическим образом нарушил тишину Валерий. – Не мог двоих спрятать!

– Обойдусь, Лер...

Келюс чувствовал, что Чезаре не лгал, и двери замка закрыты для таких, как он, Николай Лунин.

– У меня и здесь, бином, дел хватит. А что это за клятва, Сергей? Ты что, нашел его сокровища?

Археолог блеснул стальными коронками.

– Там была лестница, одна ступенька чуть шаталась...

– Потом, – перебил Валерий. – Ольга Константиновна в безопасности, а нам пора на фронт.

– Да, – очнулся Келюс, – конечно... Валерий, Сергей, вам нужно уходить, я сам...

– Не надоедай!

Валерий прислушался, взглянул на Семина. Тот кивнул.

– Идут!

Они заняли позицию за грудой камней. Лунин, убедившись, что ни самарский доцент, ни лаборант Южно-Крымской экспедиции никуда не уйдут, достал из рюкзака браунинг и проверил оружие. Чезаре считал, что ему не понадобится железо. Стаю собак Николай и вправду смог отогнать...

Между тем Валерий деловито извлек из кобуры «астру», показал пистолет Семину и стал что-то тихо объяснять. Тот слушал, время от времени кивая. Внизу уже слышались приглушенные голоса, топот, собачий визг. Бородач забрал «астру» у Семина и навел оружие на угол тропинки, выныривавшей из-за стены. Его рот скривила недобрая усмешка, глаза прищурились, и Келюс подумал, что плохо знал своего однокурсника.

Николай еще раз проверил браунинг и вновь вспомнил слова Чезаре. «Не понадобится железо...» Келюс усмехнулся, отложил оружие и сосредоточился, стараясь представить странный знак – неровное колесико, вьевшееся в кожу. Знак дхаров, позволявший бить врага без железа... По телу потекло сухое тепло, колесико на груди налилось тяжестью, запульсировало...

– Не стрелять!

Валерию удивленно оглянулся.

– Как, вообще?

– Пока не скажу, – усмехнулся Лунин.

– Псих, – констатировал Валерий, но послушно отложил «астру». Шум приблизился, совсем близко слышался топот, чье-то тяжелое сопение, хрип. Келюс резко выдохнул воздух и встал. Он ждал людей, но первыми на тропинку выскочили собаки. Их было не меньше полдюжины – серых, почти одинаковых, хрипящих от быстрого бега. Увидев Лунина они, словно по команде, остановились, шерсть на загривке стала дыбом, глаза сверкнули красным огнем.

Келюс вновь усмехнулся и поднял руку, но собаки, не дожидаясь удара, развернулись на месте и с визгом метнулись назад, за угол стены. Одна из них оступилась и, не удержавшись, покатила вниз по склону. Визг перешел в глухой вой...

Николай сжал кулаки и шагнул вперед. И почти тут же из-за угла появился первый человек. Он бежал тяжело, с придыханием, низко склонившись к земле. Лунный свет упал на лицо, и Николай узнал Дурилку. Начальник судакской базы явно подустал за минуты долгого подъема. Увидев Николая, он попытался остановиться, но, не рассчитав, бухнулся на четвереньки.

– Это... это он! – Дурилка взвизгнул, оглянулся. – Скорее, стреляйте! Скорее!..

Лунин неторопливо разжал кулак, взмахнул правой рукой. Дурилка, в этот миг пытавшийся встать, зашатался и, сбитый с ног невидимым ударом, остутился и рухнул вниз. В уши ударил крик, сменившийся визгом и завываниями, Дурилка катился по откосу, натываясь на камни и врезаясь в колючие кусты. Наконец, слышался дикий вопль...

И почти сразу же из-за угла сухо прогремели выстрелы. Николая ударило в плечо, он зашатался, но устоял. Вновь блеснул огонь, что-то просвистело совсем рядом с головой, но тут ударил ответный выстрел – заговорила «астра» Валерия. Раздался сдавленный крик, кто-то застонал... Николай постоял еще секунду и медленно опустился на землю. Валерий и Сергей были уже рядом.

– Кретин! – бормотал Валерий, расстегивая рубашку Лунина. – Допрыгался, осел! Болит, да?

– Болит...

Рубашка была разорвана, плечо горело болью.

– Странно, крови нет. Гляди, Сергей!..

– Синяк будет, – невозмутимо констатировал Семин. – Синяк что надо!

– Во даешь! – присвистнул Валерий. – От тебя что, пули отскакивают?

– Наверное, пуля – пластиковая, – предположил Лунин, массируя плечо. Он прекрасно понимал, что пуля, ударившая в плечо, была не пластиковая, а самая настоящая, но объяснить случившееся не мог. Разве что странное зубчатое колесико на груди...

– Атас! – Сергей кивнул на тропинку. Валерий тут же присел за камень, Лунин опустился рядом.

– И не вздумай вставать, Кио! – шепнул бородач, пристраиваясь поудобнее и протирая ствол «астры» рукавом. – А то получишь в лоб... пластиковую...

Келюс хотел отшутиться, но вдруг почувствовал странный холод. Знак на груди запульсировал чаще, но руки стали неметь, затылок жгала боль. Чья-то сила, превосходящая силу дхаров, приближалась из-за камней. Николай замер, всматриваясь в темноту. Теперь он понимал, как Фрол мог чутать яртов. Он и сам начал замечать холодный бледно-лиловый свет, стелившийся над тропинкой. Невидимый враг был уже рядом. Волна холода накатила вновь, виски жгало. Валерий вскрикнул и выронил пистолет, Николай хотел выхватить браунинг, но вспомнил, как погиб дед. Сиплый, как и Волков, не боялся свинца. Ни свинца, ни железа. «Тебе не понадобится железо...»

Валерий негромко ругался, пытаясь взять пистолет в непослушную руку. Сергей попытался помочь, но оружие словно превратилось в кусок ледяного железа. Бледно-лиловое свечение становилось все заметнее, и вот из-за угла неторопливо появилась темная фигура в длинном плаще и надвинутой на глаза шляпе.

Сиплый не вынул оружия. Постояв секунду, он издал хриплый жутковатый смешок и шагнул вперед. Келюс застыл, старая рана на локте пекла холодом, горло пересохло, в глазах зарябили странные многоцветные пятна.

«Значит, все? – подумал он. – Так просто?»

Мелькнула мысль о бегстве, но Лунин понял, что едва ли сможет сделать шаг. Валерий и Сергей все еще пытались разобраться с непослушным оружием, но Николай знал, что пули не остановят врага. На какой-то миг ему стало страшно, но страх тут же сменился стыдом.

«Этот гад убил Фрола, – вспомнил Лунин. – Но Фрол не бежал...»

И как бы в ответ откуда-то донесся тихий знакомый голос, повторивший в который раз: «Не бойся, воин Николай!»

Келюс, преодолевая слабость и холод, встал, сразу же почувствовав, как ожил знак на груди. Руки потеплели, тесный обруч, охвативший голову, исчез.

«Так держать, Француз! – слышался другой, тоже давно знакомый голос. – Не дрейфь, елы! Руку ладонью вперед!...»

– Спасибо, Фроат, – беззвучно прошептал Лунин и уже без страха взглянул на Сиплого. Тот снова издал хрип, который должен был означать смех, но в жутком голосе уже не чувствовалось прежней уверенности.

– Сволочь! – Келюс, ощутил бешеную ненависть к нелюдю, скрывающему лицо за полями шутовской шляпы. – Ну давай, бином!

Он выбросил правую руку ладонью вперед и застыл, собирая силы для борьбы. Знак на груди налился свинцом, в ушах стоял звон, правая рука начала мелко дрожать, но Лунин увидел, что Сиплый, словно наткнувшись на невидимый барьер, остановился. Дважды он пытался прорвать преграду, каждый раз Келюс чувствовал резкий толчок, но не поддавался. Его била крупная дрожь, в глазах плясали огоньки, но Николай стоял твердо, не опуская раскрытой ладони.

– Ты плохо умрешь, Лунин! – слышался леденящий душу голос. Сиплый достал из кармана пистолет, но Келюс, почувствовав внезапную уверенность в себе, взмахнул ладонью, и оружие с негромким стуком выпало из руки.

– Николай!..

Далекий памятный голос, даже не голос – чья-то мысль проникла в мозг, словно незримая воля вырвалась из заточения...

– Николай, он вас боится! Вперед! Попытайтесь сбросить его вниз. За угол не заходите!..

Приказ был точен и ясен. Покойный Михаил Корф умел командовать людьми... Келюс, шагнув вперед, взмахнул рукой. Сиплый попятился, в его движениях чувствовалась неуверенность, и Николаю показалось, что не он, а кто-то другой, невидимый, лишил ярта силы. Сиплый уходил, осторожно пятясь, Лунин вновь взмахнул рукой, пытаясь сбросить ярта вниз, тот отшатнулся, оступился, но в последнюю секунду сумел удержаться на краю и, злобно захрипев, бросился за угол.

– Уходят! – Валерий тоже вышел из-за укрытия и теперь напряженно всматривался в темноту. – Что они там возятся?

Как бы в ответ слышался визг, затем всхлипывания. Кто-то негромко выл, а другие голоса сердито и грубо отвечали.

– Ну конечно, – понял бородач. – Дурилка! Это они Дурилку вытаскивают!..

Голоса внизу стихли. Сергей, также присоединившись к остальным, несколько минут вслушивался, а затем осторожно подошел к обрыву. Постояв с минуту, он удовлетворенно заметил:

– В лагерь возвращаются. Дурилку, похоже, на себе волокут.

– Вот это хорошо... – отозвался бородач. – Это, Сергей, даже очень хорошо, без Дурилки они второго пути не найдут... А ведь это победа, шер ами Лунин!

– Не знаю...

Келюс присел на землю. Навалилась чудовищная усталость, заныло плечо, в голове стало пусто, только в ушах бешено стучала кровь.

– Что с тобой, орел? – наклонился к нему Валерий. – Ну ты и выдал, куда там Джуне! Я, как пистолет отказал, признаться, здорово струсил. Экое чудище этот твой Сиплый!

– Я тоже струсил... – вздохнул Николай.

Рассказывать о том, что случилось, не было ни сил, ни желания.

– Значит так, – продолжал бородач. – То, что они лишились Дурилки, конечно, хорошо. А вот, что пальба была, не знаю... Слышимость здесь отменная, наверное, весь кемпинг разбудили. Милиция утром будет здесь, это точно.

Келюс молча кивнул. Они по-прежнему были заперты на Чабан-Кермене.

Бородач принялся неторопливо бродить среди камней, о чем-то размышляя и попыхивая сигаретой. Николай невольно позавидовал энергии приятеля. Сам он предпочел курить сидя, прислонившись к уже успевшей остыть сланцевой глыбе. Сергей отошел дальше, время от времени поглядывая на расстилавшийся внизу вид. Впрочем, там ничего не изменилось. Слабый лунный свет заливал темные вершины деревьев, маленькие, словно игрушечные, палатки и узкую равнину, протянувшуюся от лагеря к морю.

– Ух ты! – хмыкнул бородач, наткнувшись на оружие Сиплого. – Да тут целый пистолет! Интересно, я такой системы не знаю...

– Не трогай, – посоветовал Лунин. – Если что, там не будет твоих отпечатков.

– Резонно. А свою «астру», ежели дотянем до утра, зарю от греха подальше. Чувствую, будет здесь шмон...

Внезапно со стороны лагеря донесся шум. Келюс прислушался – под горой заводили мотор.

– Интересно, кто это? – сразу же заинтересовался Валерий. – Наши или...

– Они, – перебил Семин. – У нас мотор послабше.

Трудно было понять, как Сергей мог на таком расстоянии судить о силе мотора по звуку, но спорить никто не стал. Мотор долго разогревали, а затем от лагеря в сторону моря не спеша двинулось нечто, издали напоминающее майского жука средних размеров. Грузовик, на котором прибыли незваные гости проехал полдороги до пляжа и остановился.

– Неужели драпают? – обрадовался Валерий, всматриваясь в темноту. – Тонка же у них кишка...

– Не драпают.

Келюс подошел к обрыву, всмотрелся и понял, что скепсис Семина вполне оправдан. Пришельцы и не думали уезжать. Грузовик стал посреди неширокой равнины, от него отделились две темные точки и разошлись в разные стороны.

– Не иначе, Дурилка посоветовал, – предположил самарский доцент. – Перекрыли второй спуск, и теперь, если что, мгновенно нас догонят. Вот сволочи! А кто-то наверняка остался в лагере для верности...

Николай вновь кивнул. До утра их не выпустят с Чабан-Кермена, а утром приступ можно повторить или просто сдать Лунина или его товарищей подоспевшим стражам порядка.

Бородач подозвал Семина и о чем-то с ним негромко заговорил. Келюс вновь поглядел вниз – черные точки были на месте. Лунин прикинул, не сойти ли с горы, чтобы дать бой, но тут же одернул себя. Их трое против четверых, а подставлять под пули Валерия и Семина он не имел никакого права. Тем временем совещание археологов явно затягивалось. Наконец, Валерий встал.

– В общем, так, – заявил он самым решительным тоном. – Спим до половины четвертого, а потом пробуем спуститься.

– То есть? – заинтересовался Келюс. – Здесь есть еще один путь?

– Пути-то нет. Впереди обрыв, сам видишь, сзади – такой же обрыв, только покруче, и море... А мы пойдем как раз по тому склону, который они сторожат. В полчетвертого луна уже зайдет и с земли ничего не увидишь. Думаю, на спуске они нас не заметят.

Келюс вспомнил о собаках, но ничего не сказал.

– А дальше рискнем. Как только окажемся внизу, так сразу вправо – к морю. Там обрыв и пляж, попытаемся пройти. Правда, если нас засекут, придется плыть в Турцию... Ну, а если повезет, то по пляжу дотопаем до кемпинга, если хочешь, можно и до Морского.

– Зачем до Морского? – удивился Лунин. – Меня там уже ищут.

– Тебя везде ищут, – успокоил бородач. – До Морского идти, конечно, незачем. Возле кемпинга повернем налево, там трасса. Дойдем до поворота и подождем автобуса до Приветного, оттуда можно добраться до Алушты. Больше, пожалуй, ничего предложить не смогу.

Лунин не стал спорить. В конце концов это был хоть какой-то шанс.

– Я поеду с тобой, – добавил бородач. – Довезу до Симфы и посажу в поезд. Вопросы?

– Вопросов нет. Только никуда ты меня везти не будешь. Вопросы, бином?

– Псих, – вздохнул археолог. – Безумству храбрых поем мы песню. Безумство храбрых – вот мудрость жизни...

– Точно. Давай лучше решим с Ольгой.

– А чего решать? – удивился Валерий. – Когда все успокоится, Сергей пригонит мотоцикл и отвезет ее к своей тетке в Куйбышево. Там уж такая дыра, что точно не доберутся... Сергей, там у тебя тетя, да?

– Двоюродная сестра, – уточнил невозмутимый Сергей, и металлические коронки вновь блеснули в темноте.

– Ну да, кузина, – охотно принял поправку Валерий. – А потом, если нужно, отвезу Ольгу в Самару. Буду тебе позванивать. Ты сам, кстати, куда собираешься?

Келюс задумался. У него было несколько знакомых по дальним и ближним городам распавшейся страны, но Лунин понимал, что вслед за ним по каждому адресу рано или поздно придут Сиплый и его банда.

– Поеду за кордон, – заявил он, надеясь успокоить Валерия.

– Куда? – недоверчиво покосился тот. – Скажешь еще!.. Ладно, если что, приезжай ко мне, в Жигулевских скалах отсидимся. Все, будем спать!.. Ставлю будильник на полчетвертого.

Валерий, подсвечивая спичками, поставил звонок наручных часов на нужное время и занялся подготовкой импровизированного ночлега. Вот тут-то Николай оценил предусмотрительность своих приятелей. Спальник развернули и расстелили траве, рядом положили одеяло, и места вполне хватило как раз на троих. Впрочем, спали по очереди. Сначала Сергей, а за ним Валерий заступали в караул, скрашивая скуку сигаретным дымом. Лунин потребовал, чтобы в число караульных включили и его, но когда легкий толчок в плечо разбудил Келюса, луна уже ушла, а небо над горизонтом начало заметно светлеть.

– Быстро! – скомандовал Валерий. – Умываться будем потом, воды все равно нет. Готов?

– Ага, вроде, – пробормотал Келюс. – Чего меня в караул не подняли?

– Слишком много удовольствий сразу. Ну, пошли!

Николай забросил на плечи рюкзак, куда был уже спрятан браунинг, и напоследок огляделся. В предрассветной дымке руины замка казались нереальными, словно декорации старого черно-белого фильма. Виденное ночью представилось каким-то бредом. Но ведь Ольга осталась здесь...

– Не бойсь, – понял Валерий. – Все будет нормально, еще на свадьбе попойка.

– Да катись ты, Лер! – вяло отреагировал Николай.

– Пошли, пошли!

Бородач махнул рукой и первым зашагал вправо, по узенькой тропке вдоль обрыва. За ним шел Келюс, последним спускался Сергей, который то и дело останавливался и внимательно

осматривал окрестности. В предраассветной полутьме заметить что-либо было трудно, а вскоре тропинка нырнула в редкий невысокий лес, и Лунин понял, что время выбрано правильно. Глаза еле различали дорогу, снизу не спеша поднимался клубящийся туман, и увидеть что-либо даже в десяти шагах стало почти невозможно. Их мог выдать только звук, поэтому шли осторожно, стараясь не цепляться за то и дело попадавшиеся камни и вездесущие кривые корни, тянувшиеся из-под земли. Пару раз Келюс все же оступился, но сумел удержаться на ногах.

...Почему-то Николаю казалось, что они будут спускаться долго, и он очень удивился, когда уже минут через десять идущий впереди Валерий остановился. Все замерли, бородач выглянул из-за дерева, секунду подождал и махнул рукой.

Лунин, стараясь ступать как можно тише, шагнул вслед за Валерием и увидел равнину, покрытую высокой, мокрой от росы травой. Слева, за туманом, остался лагерь, а чуть ближе Николай успел заметить невысокую темную фигуру – часовой был на месте.

Валерий беззвучно ухмыльнулся и кивнул направо. Тропинка сразу стала шире, на обочине замелькали пустые консервные банки, и Николай понял, они приближаются к пляжу. Сзади было по-прежнему тихо. Келюс подумал о собаках, но тут же прогнал от себя эту мысль – ни одной из серых тварей он не заметил, а значит оставалась надежда, что сумрак и туман скрыли беглецов.

Валерий вновь сделал знак и тут же исчез. Николай шагнул вперед и увидел, что они подошли к обрыву. Внизу, метрах в пяти, темнела полоска пляжа, а дальше, до самого горизонта, в предраассветном сумраке расстилалась гладь вечношумящего Эвксинского Понта.

На пляж спустились по вырубленным в обрыве ступенькам.

– Стоп! – выдохнул Валерий, присаживаясь прямо на серую сырую гальку. – Передых. А то помру...

Сергей, с сомнением поглядев на гребень обрыва, тоже присел на оказавшийся поблизости камень. Келюс пристроился рядом и на минуту закрыл глаза. Рядом шумело море, воздух был чист и полон сводивших с ума запахов. Никуда не хотелось ни идти, ни уезжать...

– Все, – услышал он голос бородача. – Двинули!..

Идти по гальке было неудобно, ноги то и дело проваливались, вдобавок при каждом шаге раздавался громкий скрип, способный, казалось, разбудить всю округу. Келюс то и дело поглядывал влево, на обрыв, на там не было ни души. Похоже, их действительно не заметили.

Галечный скрип уже успел порядком надоесть, когда Валерий, несколько раз уже поглядывавший в сторону обрыва, остановился и указал рукой влево. Келюс оглянулся и увидел пологий подъем, изрезанный следами шин. Здесь, очевидно, не так давно спускались к морю автотуристы.

Поднявшись наверх, остановились. Слева, почти утонув в тумане, возвышался Чабан-Кермен, а впереди, в нескольких сотнях метров, виднелась еле заметная полоса – именно здесь шоссе делало поворот.

– Вроде успели, – удовлетворенно заметил Валерий, поглядывая на часы. – Автобус через пятнадцать минут, если не опоздает, конечно...

Лунин облегченно вздохнул. Сейчас он уедет... Он уедет, а остальные?

– Лер, а что вы скажете в лагере?

– А ничего не скажем, – удивился бородач. – Мы вас вообще не видели. Взял ты, стало быть, Ольгу Константиновну под белые ручки и был таков. А мы в Морском ночевали... Правда, Сергей?

Семин согласно кивнул.

– И вообще, не суши себе мозги. Уверен, что когда мы вернемся, никого из твоих приятелей в лагере уже не будет. Мне кажется, они не очень в ладах с милицией. А, если удастся, собачками займемся. Ох, гляжу я, интересные тут собачки...

Шоссе было уже рядом. Туман начинал редеть, утро вступало в свои права, и Лунин поневоле забеспокоился. Опоздай автобус минут на двадцать, туман исчезнет, и те, кто остался в лагере, легко их обнаружат. Приходилось надеяться на лучшее. Добравшись до поворота, где, по словам Сергея, автобус обычно подбирал пассажиров, они укрылись за деревом, чтобы не быть замеченными со стороны лагеря. Время поджимало, но дорога была пуста.

– Ничего, ничего, – Валерий быстро оглянулся. – Я бы всех этих шоферюг!.. Ладно, воспользуемся тайм-аутом... Николай, а ну-ка расскажи еще раз про этот Филиал в Крыму.

Келюс пожал плечами. О Филиале он почти ничего не знал, поэтому рассказ был недолгим.

– Так, – подытожил археолог. – Прежде всего, там должно быть полно охраны. Наверняка это все считается военной базой. Затем... Затем туда должны были наезжать какие-то чины. Что еще, а?

Николай развел руками.

– По-моему, там еще должно быть что-то, – не особо понятно заметил бородач. – Это, судя по всему, какое-то необычное место. Ну там, древний храм, легенды всякие, фольклор...

Он выжидательно посмотрел на Семина.

– Можно поглядеть, – чуть подумав, отозвался тот. – Это, похоже, где-то в горах.

– Конечно, в горах, – тут же согласился Валерий. – На Яйле где-нибудь...

– Стой! – Келюс вскочил. – Все-таки нашли, бином!..

Туман уходил. Первые лучи летнего солнца уже заливали равнину, и в неярком утреннем свете хорошо были видны несколько точек, быстро приближавшихся со стороны лагеря.

– Собаки, – понял Валерий. – Учуюли. Где же автобус, тудыть его!

Но дорога была пуста. Бородач расстегнул кобуру, но доставать оружие не стал, поглядывая то на шоссе, то на приближавшуюся стаю. Собаки были уже близко, их было много, не менее дюжины. Серые твари спешили, по-видимому, уже успев заметить людей. Бежавший впереди серый пес, тот, что первым подошел к Келюсу на проселке, был уже метрах в пятидесяти, когда сзади послышалось негромкое гудение – вдали показался автобус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.